

Марина Колесова

ХОЗЯЙКА СУМРАКА

18+

Марина Колесова
Хозяйка Сумрака

«ЛитРес: Самиздат»

2012

Колесова М.

Хозяйка Сумрака / М. Колесова — «ЛитРес: Самиздат», 2012

Сфера Света и сфера Тьмы, а между ними и нашим миром - территория Сумрака, хозяйка которой, раздираемая внутренними противоречиями, имеет двойную сущность и неординарные способности. Сумеет ли она в нашем мире найти то, что поможет ей выстоять в жестоком противостоянии противоборствующих сторон и сохранить хрупкий мир?

Глава 1

В длинном шелковом халате Алекто вышла из спальни, прошла в гостиную и опустилась в мягкое кресло с высокой спинкой. Из коридора неслышной тенью тут же выскользнула Лиля и, приблизившись к ней, тихо спросила:

– Как всегда только кофе?

Алекто едва заметно кивнула, поправляя, выбившийся из прически длинный серебристо-пепельный локон.

– Может быть, Вы позволите, чтобы Вам сегодня вместо Галины прислуживала Ольга?

– Ольга? – недоуменно переспросила Алекто.

– Это та смертная, которую Виктор спас и притащил сюда, – потупившись, несмело пояснила Лиля. – Я подумала... – она нервно сглотнула, – подумала... раз Вы позволили оставить её, то может, захотите использовать...

– Да, помню... я разрешила, – Алекто, пристально глядя на Лилю, чуть нахмурила брови. – Думаешь, она действительно подойдет на роль горничной и сможет доставить мне удовольствие?

– Должна, всенепременно должна, – подобострастно заверила её та.

– Ты подготовила её?

– Конечно, иначе я бы не предлагала Вам... – ожидая её решения, Лиля нервно переступила с ноги на ногу и мотнула головой, отбрасывая с лица упорно соскальзывающую прядь волос. Её рыжие кудри, разметавшиеся по плечам, колыхнулись и вновь застыли, медным отблеском оттеняя матовую белизну лица.

– Хорошо, пусть она, – едва заметно кивнула Алекто и раздраженно добавила: – Волосы заколи, нечего так ходить.

– Будет исполнено, – Лиля почтительно склонилась, после чего быстро скрылась в коридоре.

В гостиную тем временем вошли два молодых человека атлетического телосложения, одетые в одинаковые чёрные брюки из тонкой кожи и серые шёлковые рубашки. Один был тёмноволосым с тонкими чертами лица и холодным недобрый взглядом карих глаз, другой – блондином с большими и немного грустными голубовато-серыми глазами.

– Здравствуйтесь, миледи, – поочередно приветствовали они её и, дождавшись легкого кивка в ответ, сели на диван.

Брюнет, которого звали Герман, взял со стоящего рядом журнального столика журнал и, откинувшись на спинку дивана, углубился в чтение, а светловолосый повернулся к Алекто и тихо спросил:

– Вы решили, где сегодня хотите провести рейд?

– Виктор, – Алекто повернулась к нему, и её глаза сверкнули мрачным огнем, – ты можешь запомнить, что с вопросами, когда я только встала, лучше не лезть?

– Но мне необходимо, – потупившись, начал он, однако Алекто не дала ему договорить.

– Заткнись! – зло выдохнула она. – Ещё слово, и тебе уже ничего не будет необходимо... Вернее, будет необходимо совсем другое...

Продолжить фразу Виктор не посмел, молча взял из вазы с фруктами, стоящей на журнальном столике, большое яблоко и стал сосредоточенно вертеть в руках.

Мрачно усмехнувшись, Алекто откинулась на спинку кресла.

В это время на пороге появилась светловолосая молодая девушка лет шестнадцати в длинном сером платье с высоким белым воротничком. В руках она держала серебряный поднос, на котором стояли также серебряные кофейник и сахарница, фарфоровая чашка с блюд-

цем, расписанные серебряными порхающими бабочками на чёрном фоне, а так же лежали серебряные ложечка и щипчики для сахара.

Позади девушки шла Лиля. Волосы её теперь были подобраны и заколоты в высокую причёску, чудесно гармонирующую с миндалевидным разрезом её зеленых колдовских глаз.

Девушка подошла, трясущимися от страха руками установила поднос на стоящий рядом с креслом Алекто столик и налила кофе. Затем, положив щипчиками два кусочка сахара, размешала и, встав на колени, на вытянутых руках подала чашку.

Взяв кофе, Алекто кончиками пальцев свободной руки приподняла ей голову и тихо спросила:

– Значит, ты Ольга?

– Да, – едва слышно выдохнула та.

– Я люблю, когда мне отвечают чётко и громко, – Алекто опустила руку и стала пальцами раздраженно постукивать по ручке кресла.

– Да, меня зовут Ольга, – испуганно сжавшись, громче проговорила девушка.

– Ты знаешь, что здесь иные правила, чем там, где ты жила раньше?

Ответ был очевиден, но Алекто хотелось услышать его.

– Да. Мне Лиля объяснила, – бросив мимолетный взгляд на зелёноглазую ведьмочку, Ольга нервно слотнула.

Алекто удовлетворенно кивнула, почувствовав, что знающая как ей угодить Лиля напугала девушку достаточно сильно. Страх, который она испытывала, шёл непрерывным потоком, окутывая дразнящим запахом и мощной энергетикой.

Не сводя с неё взгляда, Алекто медленно пила кофе и ощущала хоть и небольшое, но утоление того ненасытного чувства, что жило в ней и рвало душу когтями алчущего добычи зверя.

– Пойдем, поможешь мне переодеться, – отставляя чашку, проговорила она и, поднявшись, повернулась к сидящим на диване юношам: – Минут через десять выйдем, – после чего, перехватив вопросительный взгляд Виктора, добавила: – Не решила я пока ничего, по периметру прогуляемся, а там видно будет.

– Вы хотите как в тот раз? Без переходов уходить? – Виктор презрительно скривил губы.

Ответить Алекто не успела. На плечо Виктора легла рука Германа, и он, сильно сжав плечо напарника, тихо проговорил:

– Не обращайтесь внимания, миледи. Это он, видимо, не проснулся ещё, но к Вашему возвращению наверняка будет уже адекватен...

Алекто мрачно усмехнулась. Во-первых, её всегда забавляла манера её даймонов обращаться к ней. Они оба произносили «миледи», больше похоже на «май леди», а во-вторых, было занятно, что тёмный воин-даймон сумел сблизиться со светлым, хотя было очевидно, что это только благодаря объединяющей обоих ненависти к ней.

– Очень на это надеюсь, – процедила она сквозь зубы и удалилась в свою спальню.

Ольга последовала за ней.

В гардеробной спальни Алекто подошла к огромному зеркалу и, сбросив на руки подошедшей девушке свой халат, замерла, глядя на ряды повседневных костюмов, висевшие рядом с зеркалом на длинной вешалке.

Потом, определившись с выбором, повернулась к той, указывая рукой на тот, который решила надеть, и слова приказа застряли у неё в горле.

Ольга с таким нескрываемо-восторженным изумлением разглядывала её, что Алекто на некоторое время потеряла дар речи.

Однако длилось это недолго, уже через мгновение её голос заполнил всю спальню:

– Ты что уставилась на меня так? Я тебе что, модель из порно-журнала? Я отучу тебя так на меня смотреть! Ты вообще забудешь, как на меня свои нахальные глаза поднимать! Лиля! Иди немедленно сюда!

Стремительно вбежавшая в гардеробную Лиля схватила опешившую Ольгу за волосы и рванула вниз, вынуждая встать на колени и склонить голову.

– Это так ты её подготовила? – с нескрываемой злостью обратилась к ней Алекто.

– Я... я сейчас всё исправлю, она не посмеет больше, – в зеленых глазах рыжеволосой ведьмочки плескался неподдельный ужас. – Она навсегда забудет, что так можно глядеть на Вас. Вы увидите. Клянусь!

Алекто некоторое время, мрачно глядя на Лилю, размышляла, что ей лучше сделать: понаблюдать за разборкой Лили с Ольгой или всё же выйти на охоту.

Она прислушалась к твари, сидевшей внутри, и поняла, что та хочет всё, причем сразу, много и вообще чем больше, тем лучше. Так было всегда. Решив не идти на поводу злых желаний алчущей сущности, она нахмурилась и, обращаясь к Лиле, приказала: – Одежду подай.

Лили тут же с силой ещё ниже нагнула голову Ольги так, что та стукнулась лбом об пол, и, тихо прошипев ей на ухо: «Только двинешься – убью!», поспешила выполнить приказ.

Одевшись и причесавшись, Алекто хмурым взглядом смерила Лилю и холодно проронила:

– Значит так... К моему возвращению она действительно, – Алекто интонационно выделила это слово, – должна знать, как себя вести. А потом мы поговорим... Я надеюсь, ты понимаешь, что за её поведение передо мной отвечаешь ты, и данный инцидент я без последствий для тебя не оставлю?

В глазах Лили показались страх и отчаяние, губы скривились, и она просительно прижала руки к груди:

– Помилосердствуйте, госпожа... мне и в голову не могло прийти, что она посмеет вести себя так.

– Что? Как ты меня назвала? – Алекто наотмашь ударила ведьмочку по лицу. – Ты же знаешь, я ненавижу это обращение и терплю его только в сфере Тьмы.

– Я забылась, – Лили упала перед ней на колени, – помилосердствуйте, простите... это больше не повторится. Я буду называть Вас, как только Вы пожелаете, хозяйка.

– Слово «хозяйка» я ненавижу тоже, – Алекто ногой стукнула Лилю. На неё накатила такая приступ злости и раздражения, что она еле сдерживалась. Тварь внутри неё распрямилась и дрожала от нетерпения.

– Но как мне тогда Вас называть? Как? – Лили приподняла голову, раболепно заглядывая в глаза.

– Никак! – отрезала она в ответ, и её рука произвольно потянулась к шее Лили.

Тварь внутри ликовала, чувствуя, как Алекто наполняет волна ярости и негодования, и Алекто не сдерживала её. Сейчас она покажет этой мерзавке Лиле, как надо блюсти её дом и как подобает относиться к ней... и пусть тварь радуется.

В это время дверь распахнулась, и вошёл тот, кто единственный мог войти в её спальню таким образом.

– Мило... очень мило, – негромко проговорил он и, подойдя сзади, нежно обнял за плечи. – Как же я удачно зашел... обожаю, когда ты такая... Аж дух захватывает... Развлекься решила или до сих пор не можешь простить, что благодаря ей стала моей супругой? Хотя какая разница... В любом случае это мило, – он осторожным движением чуть наклонил вбок её голову и стал целовать шею.

Алекто замерла, ощущая, как тварь внутри напряглась и изготовилась к прыжку.

– Не надо, Люциус... здесь не место и сейчас не время, – тихо проронила она.

– У тебя везде не место и всегда не время, дорогая, – не прекращая её целовать, усмехнулся он, ещё сильнее сжимая её плечи.

– Тебе захотелось приключений? – холодно осведомилась Алекто.

– С тобой я готов на любые приключения, – выдохнул он ей в самое ухо, после чего разжал руки, выпрямился и совсем другим тоном продолжил: – Однако на данный момент ты права. Сейчас не место и не время, потому что ты нужна мне.

– Что хочешь от меня?

– Невольниц своих отпусти. По возвращении с ними разберешься. Я хочу, чтобы ты навестила тёмную сферу. Ты ведь не откажешь мне в просьбе?

– Кто ж отказывает Магистру Тьмы? – Алекто мрачно усмехнулась и, помолчав немного, спросила: – Надолго?

– Как сложится, – неопределенно ответил он, иронично глядя на неё.

Они прошли по переходу и, спустившись на восьмой уровень, оказались у дворца Магистра.

Стража из четырех воинов Тьмы распахнула перед ними двери, и они вошли внутрь.

– Что от меня требуется? – остановившись перед дверьми личных покоев Магистра, холодно осведомилась Алекто.

– Я хочу тебя порадовать... я приготовил тебе подарок, – Магистр Тьмы склонился к самому уху Алекто. – Ты получишь жертву лично от меня.

– Кто он?

– Не «он», а «она», дорогая. Одна из моих фавориток...

– Чем же она тебе не угодила?

– Она проигнорировала мои распоряжения и сейчас ждет ребенка.

– Тебя огорчает его появление?

– Такой мне не нужен.

– Что же ты такое узнал, что заранее так утрашился? – Алекто мрачно скривила губы. – Достаточно сильный даймон может родиться?

– Твоё дело долг свой выполнять, а не вопросы мне бестолковые задавать, – раздраженно ответил Магистр, и в его глазах полыхнула неприкрытая злоба.

Алекто тяжело вздохнула и после небольшой паузы спросила:

– Она знает о твоём решении?

– Нет, она даже не знает, что мне известно о её беременности. Так что тебе сейчас придется обнаружить данное обстоятельство и покончить с посягнувшей на твою прерогативу соперницей, а заодно приструнить всех остальных.

– Насколько жёстко?

– Насколько сможешь. Даже если ещё какую из них убьёшь ненароком, я не буду в претензии. Так что, развлекайся, милая, и ни в чем себя не ограничивай.

– Учту, – иронично хмыкнула Алекто и шагнула к дверям.

В огромной зале веселье шло полным ходом. Шесть молодых ведьмочек играли в карты на раздевание и громко смеялись. На некоторых из них из одежды были лишь браслеты на руках и ногах, да ожерелья Магистра Тьмы.

Увидев вошедшую Алекто и идущего следом Магистра, все фаворитки поспешно вскочили и склонились перед ними.

– Развлекаетесь... – ноздри Алекто хищно дрогнули, с удовольствием втянув запах страха, который волной прокатился по зале после её появления. – Совсем стыд потеряли... Кто вам позволил заниматься развратом в отсутствии хозяина?

Все шестеро подавленно молчали, понимая, что бесполезно оправдываться и говорить, что в подобные игры, о которых Магистр знал, они играли часто и никогда развратом не считали. Они знали, что любые оправдания только усилят ярость и без того жестокой и злобной супруги хозяина, которую боялись и ненавидели все тёмные, и между собой иначе как «светлая стерва» не называли.

– Я вам сейчас устрою развлечение... я надолго отобью у вас охоту развлекаться... – Алекто недобро сощурилась, сжав губы в презрительной усмешке. – А ну ближе подойдите.

Украдкой взглянув на хозяина, который тем временем опустился в большое мягкое кресло и всем видом показывал, что в действия супруги вмешиваться не намерен, его фаворитки приблизились и испуганно замерли перед ней.

Алекто с пристрастием их оглядела и резко вскинула руку, указывая на крайнюю:

– Иди ко мне, красотка! – после чего быстрым движением завела руки подошедшей ведьмочки за спину и скрепила меж собой браслеты на них. Затем провела рукой по её животу и гневно спросила: – Ты никак ребеночка дерзнула от хозяина заиметь, тварь безродная? Решила, что так сможешь место моё занять?

– Это случайно произошло... случайно... я не виновата... – губы ведьмочки затряслись, а из глаз полились слезы, – пощадите... пощадите, умоляю... Госпожа Алекто, я не нарочно, клянусь! У меня и в мыслях не было... я... я всё сделаю, что пожелаете... я избавлюсь от него... только пощадите... молю, – она медленно опустилась на колени, подобострастно заглядывая ей в глаза и скуля от страха.

– Вон как ты заговорила... только поздно об этом молить, когда ты мои прерогативы нарушила, раньше надо было думать. Сейчас тебе меня молить надо, чтобы я поскорее тебя прикончила и не очень долго мучила, перед тем как души лишить... – она схватила ведьмочку за ожерелье и потянула на себя.

– А-а-а, не надо... не надо-о-о... я любое наказание приму, лишь не это! Ой-ой-ой! Пощадите! – от страха у ведьмочки выпучились глаза, она вся выгнулась, пытаясь вырваться и, не переставая, кричала. – Не надо... У-уу-у-умоляю!!! Госпожа, не надо-о-о!

Не обращая внимания на её крики, Алекто рывком притянула её к себе и губами впиалась ей в губы. Крики тут же умолкли. Ведьмочка беззвучно дергалась, извивалась, билась у неё в руках и в конвульсиях сучила ногами по полу.

Все присутствующие, замерев, не могли оторвать глаз от картины мучительного отъема души у провинившейся. Наконец, дернувшись в последний раз, ведьмочка бессильно осела, и Алекто, оторвавшись от её губ, отбросила мёртвое тело, в глазах которого застыли боль, страх и отчаяние.

– С одной разобрались. Теперь ваш черёд, – она обернулась к стоящим рядом фавориткам супруга. Те с ужасом смотрели на неё. Всех без исключения была сильная дрожь, и они нервно теребили руки, пытаясь успокоиться.

Умело доведя всех пятерых до состояния близкого к истерике и насладившись в достаточной мере рыданиями, мольбами, клятвами и уверениями, что они полностью осознали свою вину, раскаиваются и будут очень покорны и послушны, сопровождаемыми сильным энергетическим выплеском, она отпустила их, дрожащих от страха и захлебывающихся слезами.

Когда они удалились, Магистр Тьмы поднялся из кресла.

– Неплохо... но я всё же ожидал большего... – мрачно резюмировал он. – Ты что-то стала терять форму, дорогая.

– Чем ты недоволен?

– Ни одна из них не впадёт в транс при виде тебя и сновидение, где увидит тебя, кошмаром не посчитает...

– Зачем тебе впавшие в транс фаворитки?

– Во-первых, в дальнейшем ты смогла бы чувствовать их ужас, даже не делая ничего, – он шагнул к ней и ласково обнял. – А во-вторых, я хотел, чтобы твоя внутренняя сущность была полностью удовлетворена.

– К чему тебе то?

– А ты не догадываешься? – его объятия стали крепче.

– Ты с ума сошел, Люциус! Прекрати! – Алекто попыталась оттолкнуть супруга, но он, рывком сдергивая с неё одежду, сумел повалить на пол.

Она постаралась вырваться, но тварь внутри, почувствовав её настрой и пользуясь моментом, отчаянно рвалась наружу, и у Алекто не хватило сил, чтобы, не сняв кабалы, высвободиться из крепкого захвата супруга.

– Если ты сейчас же не отпустишь меня, я не стану её держать! Не стану! – зло проговорила она, поняв, что объятиями дело не ограничится.

– Не держи... тебя никто не заставляет её держать... я с удовольствием с ней пообщаюсь, – выдохнул он ей на ухо, а потом приник губами к её губам.

Поняв, что ей не вырваться, разгневанная Алекто выпустила тварь, и темнота её сознания полностью поглотила её.

Выбраться из мрака сознания твари ей удалось нескоро. Когда она обрела контроль над ситуацией, оказалось, что она стоит над телом едва дышащего окровавленного Магистра, сжимающего в руке плеть Анта.

Она удивленно нахмурилась. Тварь не боялась такой плети, боль от ударов высокочастотной мощной энергетики, сводившая с ума все земные существа, лишь раззадоривала её. Алекто знала это ещё по своей первой схватке с ней... и Магистр это знал, не мог не знать... Тогда зачем?

Алекто заставила тварь лапой приподнять голову супруга. Тот тихо застонал и открыл глаза. Тяжело вздохнув, Алекто отвела взгляд, и тварь, повинувшись её желанию, отпустила Магистра. После чего, отряхнувшись, свернула собственный облик, давая возможность, заменить его.

«Раз сразу пришел в себя, то может, всё не так уж и плохо», – мелькнуло в голове, но потом Алекто перехватила взгляд супруга и сразу поняла, зачем он это сделал. Мысли о предстоящей расплате ужаснули... Её вновь поймали в ловко расставленную ловушку. Однако изменить хоть что-то не представлялось возможным.

Стараясь не подать вида, что сильно удручена собственной недалёковидностью, Алекто склонилась над супругом и повела рукой, желая помочь и по возможности минимизировать последствия схватки. Но тот перехватил её руку, тихо проговорив:

– Твоя энергетика сейчас мне лишь повредит, так что не утруждайся.

Не посмея настаивать, она убрала своё воздействие, после чего помогла ему подняться и сесть в кресло.

Некоторое время они безмолвствовали. Наконец Магистр поднял голову и посмотрел ей в глаза:

– Надеюсь, ты понимаешь, что сейчас я не в состоянии исполнять свои функции?

– Да, я догадалась, зачем ты это сделал, – она постаралась, чтобы голос звучал безразлично, в то время как ей хотелось кричать, рыдать и биться в истерике, отчётливо понимая, что сейчас за всем этим последует.

– Я рад, что ты у меня такая догадливая девочка, – Магистр едва заметно, саркастически усмехнулся и, сняв с шеи большой сапфировый преобразователь, протянул ей: – Надевай, дорогая.

Губы у Алекто предательски дрогнули, а в глазах засверкали слезы. Ей хотелось упасть на колени и начать молить супруга не делать этого. Однако она знала, что это бесполезно. Поэтому, протянув руку, дрожащими пальцами взяла амулет тёмной власти и медленным движением надела на шею.

По её телу прошла судорога, и, сильно запрокинув назад голову, она вскинула вверх руки, пытаясь поставить блок, ограничивающий поток тёмной энергетики, нахлынувший на неё посредством амулета. Через некоторое время ей это удалось и, уняв дрожь, она опустила руки и обернулась к Магистру:

– Как долго ты хочешь, чтобы я исполняла твои функции?

– Зависит от тебя... Если будешь покорной супругой, то как только почувствую себя лучше, заберу у тебя амулет и, проведя всеобщий торжественный приём, отпущу.

– Ты хочешь вновь устроить приём? Это без меня! – Алекто раздраженно подняла руку. – Об этом не может быть и речи.

– Пока ты не согласишься на него, амулет я не заберу.

– Тогда пусть он будет завтра! – Алекто не смогла сдержаться, чтобы не использовать шанс как можно скорее избавиться от ненавистного амулета.

– Я не в том состоянии... – Магистр вновь усмехнулся. – Ты слишком торопишься, дорогая... через некоторое время мне станет лучше, и тогда мы вернемся к этому вопросу.

Несколько дней Алекто исполняла функции Магистра Тьмы, борясь с душившей её тёмной энергетикой амулета, которая требовала выхода.

Всё это время она ни разу не спрашивала супруга, когда он намерен провести приём, стараясь не показать, что с нетерпением ждёт момента, когда сможет вернуть ему амулет. Напротив, ненавязчиво давала понять, что ей нравится ощущать тёмную власть и состояние страха перед ней...

Магистр был достаточно искушен, чтобы принимать такое поведение за чистую монету. Однако после того как на вопрос, когда ей хочется провести приём, она безразличным тоном проронила: «Не сейчас уж, точно...», ему в душу начали закрадываться сомнения. И он не удержался от уточнения:

– А когда?

Алекто с пристрастием окинула взглядом фигуру супруга, полулежавшего на диване:

– По-моему, ты ещё не совсем оправился, и тебе не стоит излишне утруждать себя в ближайшее время. К тому же мне времяпрепровождение тут не в тягость.

– Ты несказанно радуешь меня, дорогая, – улыбнулся он, – если это правда, значит, ты наконец-то смирилась с тёмной половиной твоей сущности и начала принимать и понимать её, а если лукавишь, то ты научилась это делать очень искусно, что тоже не может не радовать. Это полезное умение. В любом случае будет так, как ты пожелаешь, я готов устроить приём хоть завтра, но если ты не хочешь, согласен отложить его, оставив тебе амулет на любое время. Скажешь, когда надумаешь.

Алекто потупила взгляд, размышляя, что ей даст дополнительное затягивание игры. Затягивание игры не давало ничего, кроме стоящего ей очень сильных страданий дальнейшего увеличения её тёмного магического потенциала, чего по существу и добивался Магистр... Причем снижение этого уровня, для достижения примерного равновесия, которое позволяло ей с наименьшими затратами контролировать тварь и при котором её существование было для неё наиболее комфортным, представлялось уже нереальным.

Проанализировав всё это, она вскинула на него глаза:

– Он будет завтра!

– Я так и думал, – Магистр Тьмы удовлетворенно кивнул, – что ж, завтра, так завтра. Разошли послов и отдай необходимые распоряжения. Вести приём будешь ты.

– Кто бы сомневался, – Алекто капризно скривила губы, – неблагодарные роли не по тебе... Тебе нравится стоять за кулисами и дергать за ниточки.

– Неблагодарная роль? Да о твоей роли мечтает любая. Я позволяю тебе всё и почти ничего не требую. Когда ты научишься радоваться тому, что есть? Ведь знаешь, другого всё равно не будет. И вообще, не тебе сетовать на судьбу. Проведешь приём, выберешь жертву, поможешь ей удовлетворить всех, и ты свободна. Делай, что хочешь... Я ведь ни в чём не ограничиваю тебя.

– Я свободна? – Алекто даже поперхнулась от возмущения. – Вы заставили меня быть хищником, стоящим на страже обеих сфер... Хищником, которого ненавидят все, и я сама в том числе... хищником, которого все желают уничтожить.

– За что тебя ненавидят другие, понять могу, но за что ты сама себя ненавидишь, мне непонятно. Ведь для тебя не секрет, что именно ты поддерживаешь равновесие и баланс, в котором заинтересованы обе стороны... и обе стороны прибегают к твоим услугам и ценят твою помощь. Ты необходима всем, как бы к тебе не относились конкретные представители сторон. А уж опасения о том, что кто-то желает тебя уничтожить вообще смешны... ты бессмертна и лишь бессмертный, причем с очень большим трудом и рискуя собственной жизнью, может тебя убить, при этом в любом случае никому из бессмертных не позволят даже попытаться это сделать ни с той ни с другой стороны... Хотя бы потому, что твоё уничтожение приведет к тому, что вечная тварь вновь обретет свободу. Кстати, твои даймоны прекрасное доказательство тому, что общий Совет всегда на твоей стороне. И вообще всё! Хватит жаловаться. Мне надоело, – Магистр поморщился и раздраженно махнул рукой. – Иди готовься к приёму.

– Кто будет жертвой?

– Старый вервольф Грей. Что-то он стал на язык несдержан и молодых тому же учит... Так что перед тем как его энергетику меж всех разделить было бы неплохо, чтобы ты его обвинила в нарушении устоев и растлении молодежи, после чего за поганый язык подвесила, и позволила всем присутствующим самолично по кусочку шкуры с него содрать.

– Думаешь, все захотят в этом принять участие?

– Если скажешь, что энергетику его будешь распределять в соответствии с кусками шкуры, то с него моментально сдерут шкуру до костей... или вообще всего на части разорвут, если ты, конечно, позволишь. Будет весело, вот увидишь.

Алекто глубоко вздохнула, и губы её тронула презрительная усмешка:

– Кто бы сомневался, – вновь проговорила она.

Глава 2

Вернувшись в свою обитель на территории Сумрака, Алекто с удивлением обнаружила, что её никто не встречает. Раздосадованная она прошла на нижний этаж, где жили слуги, и, увидев идущую по коридору Галину, знаком подозвала её:

– Где Лиля?

– Ушла разыскивать Ольгу. Она сбежала, – испуганно пояснила горничная, поспешно опускаясь перед ней на колени.

– Ольга сбежала? Что ты городишь? – Алекто недоуменно повела плечом. – Смертному не то что сбежать, выйти отсюда и то невозможно.

– Я знаю это... и не знаю как она ушла... Не гневайтесь. Я не виновата в этом... может, я не так как-то сказала... я лишь хотела сказать, что знаю только то, что Лиля заперла Ольгу на нижнем ярусе, а потом не нашла её там... и ушла её разыскивать, – испуганно запричитала Галина, склоняясь к полу.

– Даймоны мои где?

– Не... Не знаю, – заикаясь от страха ответила Галина, изо всех сил вжимаясь в пол. – Я не видела их тут, они... они тут вообще редко бывают, а наверх я без вызова не поднимаюсь, Вы знаете... я послушная всегда. Я лишь, что Лиля мне прикажет, делаю... но могу их поискать, я всё-всё сделаю, что пожелаете, не сердчайте только.

– К себе иди, сама их найду, – Алекто развернулась и вновь поднялась на центральный этаж, размышляя, как именно могла сбежать Ольга и где всё остальные.

Если Ольга и смогла покинуть границы её обители, то с территории Сумрака ей одной не уйти... и Сумрак постепенно станет высасывать из неё все жизненные силы, вынуждая искать способ вернуться в единственное место, безопасное для смертного – в её обитель. Так что если Ольга ушла одна, ей придется возвратиться, и вопрос будет лишь в том: сразу она догадается вернуться, лишь немного ослабев, или же приползет, когда превратится в еле живую развалину. А вот если кто-то взялся её сопроводить, расклад мог получиться иным. И в свете того, что Лиля отправилась на поиски, было похоже, что именно таким он и был. Причем догадаться, кто мог решиться помочь Ольге, было не сложно.

Раздраженно хмыкнув, Алекто прошла в гардеробную, переоделась и вышла из обители. В Сумраке она прошла к ближайшему переходу, открыла его и вышла в мир.

Город встретил её теплым вечерним маревом. Вокруг суетились люди, несся поток возвращающихся с работы горожан. Никто из них не обратил внимания на вышедшую из двери метро стройную молоденькую девушку в потрепанных джинсах и кожаной жилетке поверх тонкой блузки. С двумя толстыми серебристо-пепельными косами ниже плеч, перехваченными на концах чёрными резинками с блестящими висюльками и выразительными зеленовато-голубыми, как изменчивая морская вода, глазами.

Девушка постояла немного, всматриваясь в окружающее пространство, словно ища кого-то, а потом решительно пошла вдоль улицы.

Пройдя пару кварталов, она свернула в тихий переулок. Вошла в обшарпанный подъезд ничем непримечательного трехэтажного дома. Поднялась по лестнице и толкнула одну из дверей.

В большой комнате, граничащей с ещё одним переходом, друг напротив друга стояли два её даймона, сбоку Лиля, а в углу, скорчившись, на полу сидела Ольга.

– Какая милая картина, – Алекто с усмешкой оглядела всех. Вытянула вперед руку, указывая на Ольгу. А затем, глядя прямо в глаза Виктору, тихо спросила: – Ты понимаешь, на что обрек её?

– Она ни в чём не виновата. Это я её забрал и провел через Сумрак, – Виктор нервно сглотнул. – Я даже не спрашивал согласия.

– Кто бы сомневался, что ты будешь настаивать именно на этой версии происшедшего, – хмыкнула Алекто. – Только без разницы, как всё это случилось... Она была в Сумраке и вышла, и ты знаешь, что теперь её ждет... Я вообще не понимаю, на что ты надеялся.

Виктор молчал.

– Если на моё покровительство, то зря... – усмешка на губах Алекто стала ещё явственнее, – я два раза одни и те же промахи не допускаю... Хватит и того, что я позволила ей в прошлый раз остаться, хотя ты не имел права вмешиваться... Поэтому сейчас она отправится в блокиратор, чтобы предстать перед членами Совета, как только он будет созван.

– Вы же знаете, к чему её приговорят... а она ни в чем не виновата, миледи, – нервно сцепив руки, глухим от волнения голосом проговорил Виктор.

– Да какая разница: виновата – не виновата... Никакой разницы! Ты провел её через Сумрак. А это равнозначно приговору. И ты это знал!

– Миледи... – в глазах Виктора, устремленных на неё, застыла мольба.

– Что: «миледи»?! – передразнила его Алекто. – Что ты хочешь, чтобы я сделала?

– Я готов понести наказание... любое... только её отпустите...

– Ты хочешь, чтобы я нарушила «Свод правил и уложений» и дала ей возможность уйти и жить в миру после того, что произошло?

– Никто не посмеет возразить, если на то будет Ваша воля...

– Не будет её! Не будет! – Алекто злобно сощурилась. – А наказание ты понесешь и так... и такое, чтобы навсегда забыл, как хоть какие-то самостоятельные решения принимать... А то совсем распустился, скотина.

Она презрительно поморщилась, после чего обернулась к Герману и безапелляционно скомандовала: – В блокиратор девку!

Видя, что Герман тут же шагнул к девушке, она развернулась, чтобы уйти. Но в это время к ней метнулась Лиля и распласталась у ног:

– Это я виновата... я... не отправляете девочку в блокиратор... Умоляю...

– Ну и причем здесь ты?

– Я спровоцировала Виктора забрать её. Хотела поймать их на выходе, чтобы показать, что он снова Вам непокорен и опять игнорирует как правила, так и Ваши распоряжения, но отвлеклась и упустила их... Девочка действительно не причем...

– Вы только посмотрите на неё... – Алекто скривилась. – С чего это ты решила за неё заступиться? Неужели совесть разыграла и честность проснулась? Откуда, позволь полюбопытствовать, взялись столь благородные чувства у такой беспринципной и подлой ведьмы как ты?

– Я осознала, на что обрекаю её желанием показать Вам, что Виктор постоянно играет у Вас за спиной... Я не хотела подобного... – Лиля испуганно всхлипнула, старательно вжимаясь в пол у ног Алекто.

Рывком схватив Лилю за волосы, Алекто приподняла её голову и заглянула в глаза. Ведьмочка не посмела отвести взгляд и испуганно сжалась, понимая, что не в силах скрыть от неё свои мысли. Решив использовать её скрытые желания в своих целях, Алекто усмехнулась:

– Боишься, что на Совете всплывет, что ты девчонку в сферу Тьмы таскала, и тебя мало того что привлекут как соучастницу её несанкционированных перемещений, так и Люциус блок на пользование энергетикой для тебя установит? Ладно, считай, твоя авантюра удалась,

и я оценила твоё радение о моём благе, – она разжала руку и, ногой отпихнула её от себя, – можешь забрать девчонку. Сама накажешь за побег, а заодно и его, раз тебе так этого хочется.

– Но, миледи, – к Алекто шагнул Герман, – она владеет лишь вторым уровнем, а потому не вправе поднять руку на даймона... к тому же воина такого уровня. Это запрещено.

– Запрещено воину-даймону поднимать руку на существо ниже третьего уровня, не проявляющее лично к нему агрессии, а не наоборот. И запрещено в целях безопасности, иначе ни ведьм, ни колдунов вообще бы не осталось. А этот даймон – мой невольник. Также как и ты, между прочим. Не забыл? Поэтому за непозволительное поведение его будет наказывать тот, кого выберу я... и никак иначе. В данном случае это будет Лиля. И делать она с ним будет всё, что только пожелает. А если он не подчинится и посмеет поднять руку в ответ, то иметь дело будет со мной. Всё ясно? – в глазах Алекто плескалось неприкрытое раздражение.

Герман молчал.

– Я спросила: тебе всё ясно? – повысила она голос.

– Ясно, – Герман закусил губы и отвел взгляд. Он знал, какие непростые взаимоотношения связывают Лилю и Виктора, поэтому сочувствовал напарнику, хоть тот и был бывшим противником, и злился на столь коварную бывшую союзницу.

– Надеюсь, хоть это развеет иллюзии некоторых по поводу собственной независимой воли, и вы все, наконец, уразумете, что я не терплю подобного своеволия... – мрачно пророчила Алекто, а затем повернулась к так и не посмевшей подняться с пола Лиле: – Можешь идти и развлекаться... – после чего развернулась и стремительно вышла, хлопнув дверью.

Выйдя из подъезда, она вновь погрузилась в суету города и побрела по улице, не разбирая дороги. Её душили злость и раздражение. Ненависть к ней ближайшего окружения угнетала её. Порой ей хотелось уничтожить их всех, лишь бы не ощущать эти чувства, которые они не могли скрыть, несмотря на её полную власть над ними.

Шла она долго, плутая по улицам и переулкам, пока не оказалась на одном из бульваров на окраине города. Здесь она в задумчивости постояла перед цветочной клумбой. Потом подошла к пешеходному переходу, намереваясь перейти на другую сторону бульвара. В это время пронесившийся на большой скорости мимо неё джип, даже не притормозив у огромной лужи, облил её грязью с головы до ног.

Алекто разом вынырнула из своих размышлений. Поморщилась, досадуя на себя, что задумавшись, не успела не то что отпрыгнуть, а даже блок поставить.

«Хотя, может, и к лучшему, что блок не поставила, – глядя на проходящих вдалеке и заинтересованно глядящих на неё прохожих, подумала она, – выглядело бы это со стороны довольно странно... А так все естественно... Что ж примем к сведению обстоятельства, которые намекают, что пора или возвращаться или заняться чем-то более продуктивным, чем пустые размышления».

Она достала из кармана платок, отерла лицо и хотела уже перейти дорогу, когда увидела, что пронесшийся мимо неё джип, мигая аварийкой, задним ходом медленно возвращается.

Джип затормозил, вновь заехав в лужу рядом с ней. Распахнулась дверка, и с водительского сидения непосредственно в грязь лужи спрыгнул мужчина лет тридцати с волнистыми каштановыми волосами, одетый в дорогой светлый костюм.

– Чёрт! – выругался он, поняв, что его начищенные до блеска ботинки провалились в жидкую грязь, – Ну вот какие козлы! Неужели трудно дыру в асфальте закатать, если мы им постоянно громаднейшие деньги в качестве налогов за каждую машину отстегиваем... Неет... у нас действительно две проблемы, и мы никогда от них не избавимся, – чуть приподняв брюки, чтобы не измазать и их в грязи, продолжил разглагольствовать он, огибая свою машину.

– У Вас что-то случилось? – Алекто участливо посмотрела на водителя джипа и его заляпанные грязью ботинки.

– Конечно случилось, – раздраженно хмыкнул он, – по вине этих кретинов, дорожных строителей или эксплуатационщиков... ну одним словом тех, кто за эту дорогу отвечает, я сначала тебя грязью облил, а теперь ещё и сам туда же провалился, а у меня совещание через сорок минут с возможными клиентами... Нет, вечер сегодня явно не задался. Ладно, – он саркастическим взглядом окинул Алекто. – Пары кусков хватит на возмещение морального ущерба и химчистку? Только учти, больше все равно не предложу, это на данный момент вся моя наличность. Так что не кочевряжься и соглашайся, пока я добрый.

– Вы чрезвычайно добры, но Ваше беспокойство излишне. Я не в претензии к Вам, так что не утруждайте себя и продолжайте путь к ожидающим Вас возможным клиентам. Если Вы поторопитесь, то даже успеете привести в порядок Вашу обувь до совещания, – волне миролюбивым тоном проговорила Алекто, хотя тварь внутри уже бушевала и горела нетерпением изорвать в клочья неожиданно подвернувшуюся и столь бесцеремонно-наглую возможную жертву.

– Гордая, да? Выделяешься? Да я вообще мог не возвращаться! А я из-за тебя ботинки все испохабил между прочим...

– Вам не кажется, что обвинение меня в Ваших неприятностях несколько необоснованно? Я, конечно, оценила сделанное Вами предложение, но оно, как я уже сказала, было излишним. И смею заметить, я Вас ни о чем не просила и претензий Вам никаких не высказывала... Поэтому в данной ситуации могу лишь посочувствовать, что Вас постигла подобная неприятность, и напомнить, что чем дольше Вы будете со мной её обсуждать, тем меньше времени останется у Вас на её устранение.

– Да ты бы на себя посмотрела, курица ты недоделанная, стоишь по уши в грязи, а туда же... выделяться... хоть бы представляла что из себя, а то кроме фанаберии и нет ничего... Иди куда себе шла, черт с тобой. Не хочешь, чтобы тебе помогли, и не надо. Видно грязь – привычная для тебя среда обитания, вот и сиди в ней, – мужчина зло сплюнул и развернулся к своей машине.

Ярость беснующейся твари затопила Алекто, однако внешне это проявилось лишь в недобро сузившихся глазах и явно хищной улыбке, тронувшей уголки губ.

– Вы чувствуете собственное величие, когда даете понять окружающим, какое они ничтожество по сравнению с Вами? – в её голосе зазвучала властность, которой, как она знала, не мог противостоять ни один смертный. Она решила удовлетворить и себя, и тварь.

Мужчина замер, потом медленно повернулся и заморожено посмотрел на неё. В его взгляде читалась покорность и безропотное смирение.

Довольно хмыкнув, Алекто, не меняя тембра голоса, продолжила: – Может, проводите облитую Вами грязью даму до дома, раз чувство неудовлетворенности от невозможности проявить собственное благородство столь гнетет Вас?

Она пристально посмотрела на него, а он, зачарованный её взглядом, лишь кивнул не в силах даже говорить.

Алекто, не оборачиваясь, шла по дороге. Уверенная в том, что симпатичный зеленоглазый водитель джипа, идет следом, абсолютно не разбирая дороги и видя только её. Идет на заклятие словно кролик, загипнотизированный удавом.

Жалости к нему она не испытывала. Она переставала испытывать хоть какие-то чувства к жертве, как только определялась с выбором. Жертва недостойна чувств, жертва – это всего лишь жертва. И пусть сегодня она не такая как всегда... что делать... Глупо не пойти навстречу собственным желаниям, в любом случае их преодоление никто не оценит, а за потворство никто не спросит... Ведь у неё есть вечная индульгенция на жертвы от обеих сторон.

Они вошли в обычный с виду пятиэтажный дом из красного кирпича и поднялись по лестнице на шестой этаж. Алекто открыла дверь и кивнула спутнику:

– Прошу.

Тот вошёл и удивленно замер на пороге. Его взору предстали шикарные апартаменты, оформленные в стиле барокко. Распахнутые резные двери позволяли обозреть длинную анфиладу комнат. Кругом блистала позолота, стены были затянуты расшитым золотом шелком, с высоченных потолков свешивались громадные хрустальные люстры, отражающиеся в многочисленных огромных зеркалах. Пол, инкрустированный паркетом из разных пород деревьев, сверкал так, что не поскользнуться на нём казалось невозможно.

Алектю вошла следом и захлопнула за собой дверь. Щелчок замка вывел её спутника из состояния прострации. Он обернулся к Алекто и сипло спросил:

– Куда это мы пришли?

– Ко мне домой, – обыденным тоном пояснила Алекто и, быстрыми движениями стянув с себя грязные джинсы, жилетку, кофточку и всё белье, швырнула на ближайшее кресло с изысканной резьбой и шёлковой обивкой.

После чего, откинув назад косы, удалилась вглубь анфилад комнат, небрежно бросив через плечо:

– Вторая ванная: третья дверь направо по коридору.

– Ты... ты хочешь, чтобы я п-принял душ? – не в силах отвести взгляд от её удаляющегося обнаженного тела, заикаясь, спросил он ей вслед.

– Всенепременно, – не оборачиваясь, ответила она и скрылась в глубине комнат.

Когда она вернулась с распущенными ещё влажными после принятой ванны волосами в накинутом на голое тело шелковом халате, мужчина ждал её босиком посреди комнаты, где она оставила свои вещи, с обмотанным вокруг бедер полотенцем, зябко поеживаясь после душа.

– Полотенце! – скорее приказала, чем попросила Алекто.

Он безропотно выполнил приказание и, сняв полотенце, протянул ей.

Не взяв его, она холодно проронила: – В ванную отнеси.

Шлёпая босыми ногами по паркету, он отнес полотенце в ванную комнату и вернулся обратно.

Окинув его оценивающим взглядом с головы до ног, Алекто удовлетворенно кивнула и, решительно развернувшись, скомандовала:

– Пойдем!

Войдя в спальню, она указала рукой на кровать, бросив коротко: – Ложись.

Мужчина подошел к кровати и взялся рукой за шёлковое покрывало.

– Поверх него! – в голосе Алекто послышалось раздражение.

Он не стал спорить и лег на покрывало.

Алектю скинула на пол халат и легла рядом, облокотившись на руку, в пол-оборота к нему, после чего кончиками пальцев свободной рукой провела по его груди. Прикосновение заставило мужчину задрожать всем телом, и он, подавшись вперед, порывисто обнял её, стараясь притянуть к себе. Она не сопротивлялась, позволяя обнимать себя и ласкать.

Мужчина оказался умелым любовником и не торопился овладеть ею. Он долго нежно целовал сначала её грудь, потом живот и бедра, а потом, раздвинув ноги, стал ласкать языком самые потаенные места. Почувствовав, что её возбуждение достигло предела, он переместился, проделав поцелуями дорожку до её груди, после чего мягко и осторожно овладел ею.

Алектю дала ему закончить. А потом быстрым и ловким движением завалила на спину и села верхом, намереваясь выпустить тварь, которую уже не могла сдерживать.

И тут он, с улыбкой глядя на неё, вдруг тихо произнес:

– Я, наконец, вспомнил кто ты, ты та девчонка, что помогла мне маньяка обезвредить.

Резко рванув в сторону, Алекто кубарем скатилась с кровати и сжалась на полу, уткнув голову в колени. Тварь в ярости билась, пытаясь получить то, что уже считала своей законной добычей. Но Алекто, сжав зубы и вцепившись пальцами в ковер на полу, держала её из последних сил.

– Что случилось? Я чем-то обидел тебя? Что я сделал не так? Я могу чем-то тебе помочь? – мужчина, поспешно вскочив с кровати, озабоченно склонился над ней.

Тварь, наконец, смирилась и разжала когти. Алекто глубоко вздохнула и медленно поднялась. Её все ещё бил озноб, но она знала, что он быстро пройдет.

Подобрав с пола халат и надев, она собрала все вещи зеленоглазого водителя джипа, после чего без всяких объяснений всунула ему в руки и, вытолкнув за дверь, тут же захлопнула её.

Пройдя на кухню, она сварила кофе и с чашкой в руке прошла в маленький уютный кабинет.

Там она забралась с ногами в большое мягкое кресло. Откинувшись на его спинку и маленькими глотками стала смаковать напиток, удивленно прислушиваясь к твари, сидящей внутри. Тварь раздраженно возилась и сопела, но попыток вырваться не предпринимала.

Это было достаточно странно. Алекто чувствовала себя обессиленной и вымотанной противостоянием с ней. Всё тело наполняла боль, а тварь не спешила этим воспользоваться для очередной попытки ненадолго обрести свободу, чтобы постараться утолить свою неутолимую жажду. Жажду ощущать страх, боль и смерть своих жертв, жажду поглощать их души, пропитанные болью и страхом...

Пытаясь разобраться, в чём причина столь необычного её поведения, Алекто с удивлением обнаружила, что тварь желает примирения и понимания. Не злится и бесится, как бывало, если Алекто долго не удовлетворяла её желания, а именно ищет способ договориться.

Алектю сама сняла барьер, давая сознанию твари проникнуть в собственное, и пораженно замерла в кресле. Оказалось, что тварь в предвкушении жертвы заранее настроилась с ней в резонанс и впервые в жизни получила удовольствие не от поглощения бьющейся в ужасе души, а от любовного экстаза жертвы и хотела не столько сожрать её, сколько единолично насладиться всем этим в полной мере... Это было шокирующим открытием. Алекто даже не поняла радоваться ему или печалиться.

Раздраженно передернув плечами, она отринула чуждое сознание и абстрагировалась от него. Любовное вождление твари вызвало у неё не меньшее отвращение, чем все её остальные желания. Сразу захотелось пойти и принять душ. Что она тут же не преминула сделать.

Стоя под струями горячей воды, Алекто размышляла. Около полугода назад, охотясь за очередным маньяком, она ненароком помогла избежать гибели сегодняшнему гостю, который, рискуя собственной жизнью, спасал абсолютно незнакомую ему маленькую девчонку. Помогла, чтобы тут же забыть об этом... а сегодня, вспомнив, не смогла сделать то, от чего когда-то сама избавила... а может и не от этого, судя по желаниям твари... Впрочем в любом случае оказаться с ней в одной постели участь не намного лучше смерти, а возможно, и хуже...

Выйдя из ванной, Алекто быстро оделась и решительно направилась к двери. Тварь надо было насытить. Алекто чувствовала себя обессиленной и понимала, что вряд ли сможет жёстко контролировать оголодавшее исчадие Тартара.

Однако, открыв дверь, она замерла, в изумлении разглядывая представшую её взору картину.

На полу лестничной клетки, напротив её двери сидел голый водитель джипа, прижимая к груди всю свою одежду.

– Ты что тут сидишь в таком виде?

– Я чем-то обидел тебя... Прости... прости пожалуйста, – мужчина вскочил и, шагнув к ней, опустился на колени, – объясни, что я сделал не так... я всё исправлю. Клянусь!

– Оденься, – поморщилась она, недоумевающая, почему мужчина ещё здесь и к тому же в таком виде. Ведь приворот она с него полностью сняла и даже блок поставила, чтобы ушёл и тут же забыл о ней и больше не вспоминал никогда...

– Да, да, конечно... – мужчина поднялся и стал поспешно одеваться, – только не уходи... умоляю... Я чувствую если ты уйдешь или я... мы больше не встретимся, а я без тебя умру...

– Глупости! Тебе абсолютно не с чего умирать без меня.

– Я умру! Я знаю, что умру! – мужчина схватил её руку и прижал к груди, – со мной никогда такого не было... Это что-то невообразимое... Я люблю тебя! С первого прикосновения к тебе полюбил... и я не смогу без тебя! Не смогу!

Он порывисто схватил её руку и прижался к ней губами, а потом, подняв на неё глаза полные слез, прошептал:

– Я умоляю, будь моей женой... я всё-всё для тебя сделаю... всё, что захочешь, лишь согласишься.

– Это невозможно! – выдернув руку, раздраженно проговорила Алект. – Забудь!

– Тогда я умру! Ты убьешь меня своим уходом! – мужчина решительно преградил ей путь. Слезы в его глазах высохли. Теперь в них сверкала решимость.

– Прекрати! – Алект вытянула вперед руку, но ей, обессиленной схваткой с тварью, повлиять на сознание мужчины так и не удалось. К тому же тварь заинтересованно зашевелилась, намереваясь вмешаться в происходящее, и её вновь приходилось сдерживать.

– Почему ты мне отказываешь? Почему?

– Хотя бы потому, что я замужем, – мрачно хмыкнула она.

– Ты разведешься!

– Это невозможно.

– В этом мире нет ничего невозможного!

– К сожалению есть.

– Ты не любишь мужа. Иначе бы меня к себе домой не привела!

– Даже если так. Что с того?

– Я люблю тебя! Я всё-всё для тебя сделаю... все твои желания... любое... в любое время... я клянусь, что всё, что захочешь исполню... Всё: деньги, дом... всё... всё к черту отдам тебе или выкину, лишь бы ты была рядом... Господи!!! Я даже жизнь готов тебе отдать, только согласишься взять её.

– Ты сумасшедший!

– Да... наверное... я сошел с ума, как только коснулся тебя... Ты – чудо! Ты – моя жизнь. Я не проживу без тебя и часа... Но почему ты не видишь этого?! Почему ты мне отказываешь?! Я же не смогу жить без тебя! Ты должна быть моей!

– Всё! Достал! – Алект вскинула руку, намереваясь быстро и безболезненно убить, но её посыл перехватила тварь, после чего перевела на себя и погасила.

«Что не так?» – Алект впервые в жизни мысленно обратилась к ней.

И получила ответ, который никак не ожидала: «Пока он будет ублажать тебя, я не буду требовать большего. Лишь то, что сама дать захочешь»

Алект затаила дыхание. Сделка была очень выгодной. Можно было даже сказать: нерешительно-выгодной.

Не став требовать дополнительных подтверждений намерений, Алект в упор посмотрела на мужчину:

– Я могу жить с тобой, если не будешь требовать замуж за тебя выйти, и вообще больше ничего требовать не будешь.

Тот даже задохнулся от прилива возбуждения:

– Ничего требовать не буду. Лишь согласишься! Всё и всегда будет лишь так, как ты захочешь! Клянусь!

– Как тебя зовут?

– Влад.

– А меня можешь называть Алей, – бросила она через плечо, направляясь вниз по лестнице.

– О, Аля! Фантастично красивое имя, – мужчина поспешил за ней. – А полное Алевтина, да?

Алекто замерла на ступеньках и медленно повернулась, борясь с чувством внутреннего раздражения. Глядя на остановившегося мужчину, она процедила сквозь зубы:

– Давай договоримся, Влад. Если я сказала, что хочу, чтобы что-то было так, то не надо придумывать, как это сделать иначе. Если я говорю, что хочу, чтобы ты называл меня Алей, то не стоит называть по-другому.

– Я не хотел... не хотел... не сердись... я только так и буду тебя называть... я лишь хотел узнать твоё полное имя.

– Ни к чему оно тебе, – Алекто презрительно скривила губы и, отвернувшись, продолжила спуск. Действительно, зачем ему знать, что будущую любовницу зовут именем безжалостной, непрощающей и неотдыхающей богини мести, самой непримиримой из трех эринний.

Дойдя до оставленного у пешеходного перехода джипа, Алекто повернулась к Владу:

– Куда ты ехал?

– А, – он махнул рукой, – уже не имеет значения.

– Я не привыкла, когда мне не отвечают, – Алекто поморщилась.

– Извини. Я ехал на встречу с возможными заказчиками. У меня был шанс заключить достаточно выгодный контракт, по-моему, я уже говорил тебе об этом. Теперь шанс упущен. Но, я не жалею, не подумай... Чёрт с ним, с этим контрактом. Какой может быть контракт, когда со мной рядом ты?!

– Звони заказчикам.

– Что?

– Звони, говорю, заказчикам, – повторила Алекто.

– Зачем?

– Если я говорю: «звони», то значит, звони! – Алекто перешла на угрожающий шёпот.

– Не сердись... – Влад нервно потер руки, – не надо сердиться... Хочешь, чтобы я позвонил, позвоню... телефон только из машины достану, и позвоню.

Он подошел к джипу, обошел его, вновь провалился в лужу, чертыхнувшись, распахнул дверку и вытащил телефон. Потом, с опаской глядя на Алекто, осторожно уточнил:

– Ты хочешь, чтобы я рядом с тобой звонил или из машины?

– Можешь из машины, – Алекто распахнула дверку и села на переднее пассажирское сиденье.

Влад сел рядом. С усмешкой перебрал на телефоне неотвеченные звонки, тихо пробормотав: «обзвонились все», потом набрал вызов и посмотрел на Алекто: – Хочешь, чтобы я перед ними извинился?

– Нет, – Алекто раздраженно хмыкнула, – трубку мне передай.

Влад тут же протянул ей телефон.

– Владислав Сергеевич, – донесся из трубки густой бас, – Вы совсем совесть потеряли! Мы, как идиоты, столько времени ждали, а Вы соизволили лишь сейчас позвонить. Это как понимать надо? Я надеюсь, у Вас есть веская причина оправдывающая Ваше поведение... Хотя в любом случае мы не можем после таких Ваших выкрутасов доверять Вам как партнеру!

– С кем я говорю? – перебила Алекто несущийся из трубки поток негодования.

Бас тут же смолк, а после небольшой паузы представился.

– Значит так, – Алекто повторила все регалии и имя собеседника, после чего лишаящим воли голосом продолжила: – Вы немедленно подготовите полный пакет документов для заключения контракта и сегодня подпишете его.

– Но это... это... не... нереально... для заключения контракта н-нотариус нужен... потом мы только договор о н-намерениях хотели... – бас на другом конце линии связи от перенапряжения стал заикаться.

– У Вас час времени. Через час мы подъедем. Вы должны быть к этому времени в своём офисе вместе с нотариусом и всеми необходимыми бумагами, чтобы подписать договор, – приказала Алекто в трубку и, отключив телефон, отдала Владу. – Через час он нас ждет в своём офисе и подпишет договор.

– Ты думаешь, он сделает это? – изумленно глядя на неё, спросил он.

– Уверена, – Алекто откинула голову на подголовник и прикрыла глаза. – Поезжай. Тебе ещё ботинки в порядок приводить.

Влад не стал ничего больше говорить и плавно тронул машину с места. Если сегодняшний день решил преподнести ему сплошные сюрпризы, пусть будут.

Через полтора часа Влад спустился и сел в машину, где его ждала Алекто.

– Ты представляешь, он действительно всё подписал... Даже не спросил ничего... ни как проект реализовывать будем, ни почему я не приехал раньше... Просто подписал и всё.

– Ты проверил договор?

– Аж два раза... Всё идеально... и даже неустойки не прописаны.

– Доволен?

– Не то слово! Как ты это сделала?

– Ты слышал как. Поехали. Я устала и хочу отдохнуть.

– Может быть в ресторан? Такой контракт неплохо бы обмыть... – Влад с восторженной улыбкой смотрел на неё. Она казалась ему богиней. Восхитительной богиней, шагнувшей к нему, простому смертному, со своего Олимпа. Он ни за что её не отпустит. И всё сделает, лишь бы она осталась рядом.

– Ты плохо слышал? Так повторю: я устала! – Алекто раздраженно пальцами забарабанила по приборной доске.

– Да, конечно, Алечка... Извини. Уже едем домой... – Влад завёл машину, и она, взвизгнув шинами, рванула вперед.

За всю дорогу Влад не проронил ни слова. Было заметно, что он о чём-то напряженно думает.

Глава 3

Они остановились перед воротами его загородной резиденции. Охрана быстро распахнула створки, пропуская их.

– Надо бы автоматические ворота поставить, но руки всё не доходят, – пробормотал Влад, припарковывая джип у дома.

Затем быстро вышел, обогнул его и, распахнув дверку, подал Алекто руку. Обернувшись, кинул ключи, подошедшему охраннику и, бросив ему: «Машину в гараж, сегодня больше

никуда не поеду», под руку подвел Алекто к дверям трехэтажного каменного дома, построенного в вычурно-фантазийном стиле.

– Милости прошу, домой, сударыня. Отныне это Ваш дом, и Вы в нём хозяйка.
Алекто, никак не прокомментировав его слова, шагнула внутрь.

Дом был великолепен. Изысканные пролеты арок первого этажа притягивали взор. Главным акцентом интерьера была мраморная лестница в глубине высокого на два этажа вестибюля. Её широкие ступени, ведущие на балюстраду второго этажа, придавали солидность и внушительность всему облику дома.

Центральная часть балюстрады открывала вид на большой зал для приёма гостей, а боковые части терялись в глубине дома длинными коридорами.

– Пойдем, я покажу тебе дом, – Влад осторожно обнял её за талию.

Алекто непроизвольно поморщилась, но руку его не отвела.

В это время на балюстраду выбежала красивая зеленоглазая девочка лет тринадцати с ассиметричной стрижкой и серьгой в одном ухе.

– Папочка, привет! – прошептала она, а потом, смерив Алекто оценивающим взглядом, – заинтересовано наклонила голову набок и спросила: – Это ты с кем?

– Теперь это твоя мать, – безапелляционным тоном проговорил Влад, крепче прижимая Алекто к себе.

– Ты шутишь, я надеюсь? – девочка удивленно распахнула свои большие и выразительные глаза.

– Нет, не шучу, Лиза. И требую, чтобы ты именно так обращалась к моей жене.

– Пап, у тебя крыша не поехала часом? – девочка покрутила пальцем у виска.

– Лиза! – резко начал Влад, но в это время в глубине дома зазвонил телефон, и девочка стремительно убежала по коридору.

– Алечка, не обращай внимания, – Влад развернул Алекто к себе и заглянул в глаза. – Я гарантирую, Лиза будет относиться к тебе с уважением, да и Сашка тоже.

– Я так понимаю, у тебя есть дети, даже двое... интересно... – Алекто усмехнулась.

– Да. Лиза ей скоро тринадцать будет и Сашка, ему восемнадцать исполнилось.

– Восемнадцать? – Алекто удивленно приподняла бровь. – А сколько тогда тебе?

– Мне тридцать два. Не удивляйся, Сашка – приемный сын... сын моей жены от первого брака, но он считает меня отцом, вернее он знает, что я не родной отец, но все равно считает отцом.. привык считать... черт, не знаю как сказать.

– Так у тебя и жена есть?

– Нет, жена умерла уже лет пять тому назад... Лизе ещё и восьми не было...

– И ты не женился больше?

– Нет. До встречи с тобой мне это было ни к чему.

– Сын здесь? – поинтересовалась Алекто, проигнорировав его комментарий.

– Должен быть здесь. Скорее всего, в своей мастерской. Он рисовать любит. Я ему нижний этаж правого крыла отдал под мастерскую...

– Пойдем, познакомь нас. С дочерью твоей, как я понимаю, мы познакомились... Только пожалуйста не надо требовать, чтобы твои дети называли меня матерью, это излишне.

– Нет, Аля! – в глазах Влада сверкнула решимость. – Они оба будут называть тебя именно так! Я не потерплю в моём доме другого отношения к моей жене.

– Я не твоя жена.

– Для меня ты – жена, если согласишься жить со мной, и другого отношения к тебе в этом доме не будет!

– Влад, я не хочу этого!

– Ты хочешь, чтобы я избавился от детей? – на его скулах заходили желваки.

– Я разве сказала это? – удивленно осведомилась она.

– Если дети останутся в этом доме, обращаться они к тебе будут именно так.

– Как надо понимать твои слова? Ты угрожаешь мне тем, что можешь выгнать собственных детей, если я не соглашусь, или что?

– Аля, ты понимаешь... – Влад судорожно сглотнул. – Я конечно дорожу отношениями с детьми... но... но если ты... если ты не хочешь жить с ними... не хочешь, чтобы у нас была семья, чтобы они относились к тебе как к матери... то, конечно... дети уедут. Лизу можно отправить в пансион за границей, а Сашка взрослый уже... Я ещё по дороге всё обдумал. Ты должна понять, я не могу позволить тебе уйти или кому-то в этом доме относиться к тебе не так, как положено, относиться к моей жене...

– Зачем ты всё так усложняешь?

– Я хочу, чтобы у нас была настоящая семья, поэтому всё будет именно так, как я сказал! –

Влад больно схватил её за плечо.

И Алекто вдруг поняла, что не хочет настаивать на своём решении, чтобы вновь не сломить его. Таким он ей нравился больше. Гораздо больше.

– Хорошо, пусть зовут матерью, – она глубоко вздохнула и отвела взгляд. – Хотя что-то мне подсказывает, вряд ли они по доброй воле согласятся на это...

– Я заставлю!

– Дело твоё. Заставляй, если хочешь... я не стану вмешиваться.

– Спасибо, Аля, – Влад разжал руку и осторожно погладил по плечу. – Я это... не больно тебя схватил? Я не рассчитал что-то... ты не сердись...

Войдя в мастерскую, они увидели юношу, стоящего перед мольбертом. Его чёрные волосы были подобраны в хвост, он нервно кусал тонкие губы и вертел в руках кисточку.

– Саш, отвлекись, – окликнул его Влад, – я хочу познакомить тебя с моей женой и теперь твоей матерью.

– Здравствуйте, очень приятно познакомиться, – обернувшись, юноша кивнул Алекто и вновь повернулся к мольберту.

Алекто взглядела в картину. У юноши явно был талант. Цветопередача, ракурс, свет, мимика лица... Девушка на картине была бы очаровательной, если бы не пропорции, перспектива и явное незнание азов изображения движений человека.

– Ты давно рисуешь? – Алекто подошла ближе.

– С детства, – не оборачиваясь, ответил он.

– А где учился?

– Нигде... этому нельзя научиться, это надо чувствовать... это мой мир.

– Почему нельзя? Любой художник должен учиться, чтобы знать определенные технические приемы, хотя бы строение человека, например...

– Учат ремесленников. А я – творец!

– Ты уверен, что тебе бы это повредило?

– Безусловно. Кретины они там все. Что с них взять?

– Ты хоть раз пробовал учиться в художественной школе?

– Да даже не один раз. Много. Везде одно и то же... с первого урока всё становилось ясно.

– Хочешь я докажу тебе, что знание азов позволяет творить лучше?

– Ну и как это можно доказать? – юноша нехотя отвернулся от мольберта и повернулся к ней.

– А вот как, – Алекто взяла из его рук кисточку, окунула её в тёмную краску на палитре и несколькими резкими мазками поменяла девушке разворот плеч, пропорции рук и обозначила перспективу на картине.

– Ты что сделала?! – парень даже задохнулся от гнева, – я три месяца на неё угробил, а ты всё испохабила! Да руки тебе оторвать и то мало будет, – он вырвал кисточку из рук Алекто.

– Ты как разговариваешь с матерью? – гаркнул на него Влад. – А ну извинись!

– Да какая она мне мать? Я вижу её первый раз! Или я теперь каждую твою шлюху должен буду матерью называть? Ты меняешь их словно перчатки, а я, значит, перед каждой прыгай?! –

– Что ты себе позволяешь, щенок? – Влад ладонью наотмашь ударил сына по лицу.

Тот прижал руку к разбитым губам и, со злостью взглянув на Влада, тихо пробормотал:

– Ты не имеешь права себя так вести!

– А ты, значит, имеешь? – скулы Влада напряглись и даже подрагивали, а глаза превратились в злые щёлки.

– Я сказал, что думаю и что есть...

– Значит так... или ты сейчас же извиняешься перед моей женой сам или я тебя заставлю это сделать силой!

– Ты не имеешь права... Я уже совершеннолетний! И только попробуй мне хоть что-то сделать!

– Ах ты как заговорил... ладно... – голос Влада заледенел, – совершеннолетний, так совершеннолетний... Тогда совершеннолетний, собирай свои манатки и катись отсюда на все четыре стороны. Я даже знать не хочу больше, как тебя зовут. Денег ты ни копейки не получишь и за институт я твой платить тоже не буду. Так что сначала в коммуналку, где прописан, а оттуда в армию после грядущей сессии. Надеюсь, до этого с голоду не помрешь, если в переходах рисовать станешь. А дальше в армии тебя и накормят, и обучат, и быстро объяснят, кто какие права имеет, и где что ты рисовать будешь.

– Ты шутишь?

– Нет, мой совершеннолетний сын, не шучу! Я на редкость серьезен. Независимость надо заработать. Хочешь – флаг в руки, иди зарабатывать.

– А если я извинюсь?

Влад кивнул на Алекто, с легкой усмешкой наблюдающей за ними:

– Если она примет твои извинения, то можешь остаться. Так что постарайся извиниться так, чтобы она простила. И называть её будешь матерью. И никак иначе!

Сашка нервно сглотнул и, шагнув к девушке, которую привел отец, впервые внимательно посмотрел на неё.

Стройная, с серебристо-пепельными волосами, правильными чертами лица и голубовато-зелеными глазами. Глазами, в которых застыло спокойствие и какая-то отстранённость. Сашка ожидал увидеть в глазах так называемой матери что угодно: торжество, насмешку, ехидство, злобу, в конце концов, но только не спокойную отстранённость. Он глубоко вздохнул и, запинаясь, произнёс:

– Простите... вернее, прости... мама... я очень виноват... подобное больше не повторится... извини меня пожалуйста.

– Извинила, – односложно ответила она и, неожиданно лукаво улыбнувшись, тихо добавила: – Ты, кстати, зря так обиделся на меня из-за картины... посмотри на неё внимательно на досуге и поймешь, что зря.

– Хорошо, я посмотрю, – Сашка посчитал за благо согласиться. Не дай Бог отец опять разозлится. Давно Сашка его таким не видел. Не иначе как совсем без ума от своей новой пассии.

– Я могу попросить тебя? – отец в упор посмотрел на него.

– Да, пап, конечно.

– Поговори с Лизой и предупреди, что если гонор свой не убавит и к матери, как положено, обращаться не станет, то заставлю силой. Пусть лучше меня до этого не доводит.

– Пап, я конечно поговорю... но ты же знаешь, Лизку... – Сашка задумчив покачал головой, – ей трудно будет мамой назвать... назвать... – он замялся, подбирая слова, – нашу теперь мать так назвать... и меня она вряд ли послушает... может, ты не будешь требовать так сразу... может, ты дашь ей время хоть чуть-чуть привыкнуть... вряд ли она сразу сможет...

– Выдеру как сидорову козу, и сможет всё, – раздраженно бросил отец, и Сашка, не став больше спорить, вышел.

Поднявшись на второй этаж, он прошел к комнате Лизы и, постучав, вошёл.

Лиза сидела, забравшись с ногами, на широком подоконнике и разговаривала по телефону.

– Лиз, закругляйся, поговорить надо, – Сашка жестом подтвердил просьбу.

Лиза состроила рожицу, но разговор свернула и, выключив телефон, отложила в сторону.

– Ну что тебе?

– Отец привел в дом жену.

– Я видела это явление. У него что, совсем крыша поехала, неизвестную девку женой объявлять?

– Возможно, Лиз. Но настроен он очень решительно и требует, чтобы мы её называли матерью.

– Ага, счаззз... – Лиза саркастически хмыкнула, – только шнурки поглажу и сразу назову.

– Лиз, ты не горячись... ну что тебе стоит? В конце концов не всё ли равно как её называть... Не переломишь же язык себе, если так назовешь? Ну сделай отцу приятное.

– Сашка, ты рехнулся что ли? чтобы я матерью какую-то девку приبلудную назвала? Да пошла она, знаешь куда...

– Лиз, очень похоже, что у отца это серьёзно... я его таким никогда не видел... не порть ты с ним отношения из-за ерунды... не надо в позу вставать. Кстати, если он действительно женился или женится на ней, она матерью по закону считаться будет.

– Может мачехой, но уж никак не матерью, и я скорее язык себе откушу, чем назову её так.

– Отец намерен силой тебя заставить так её называть.

– Пусть только попробует, обломается.

– Не обломается. Меня он уже заставил и на тебя наверняка управу найдет.

– Что??? – глаза Лизы распахнулись в пол-лица. – Ты её назвал матерью? Ты шутишь?

– Нет, Лиз.

– И ты согласился??? Ты что больной??!! Сашка, ты с ума сошёл? – Лиза спрыгнула с подоконника и, схватив брата за плечи, легонько тряхнула. – Как ты мог???

– Он сказал, что иначе выгонит меня, – Сашка невесело усмехнулся, – так что выбора у меня не было.

– Да я бы лучше ушла! Сама бы ушла, если б он только посмел... Сашка, ты идиот!

– Лиз, я был бы идиотом, если бы ушёл... Куда мне идти? В переходах рисовать, а потом в армию? Нет, это ты говоришь явный бред. К тому же тебе и не уйти никуда, и заставит он тебя силой, если выпендриваться и дальше будешь.

– Я лучше сбегу, чем так её звать буду!

– Куда? По вокзалам скитаться? чтобы тебя трахнули или пьяные бомжи или милиционеры?

– Дурак ты, Сашка!

– Нет, я реалист. Если нет возможности изменить ситуацию, надо поменять собственное отношение к ней. Я это давно знаю.

– Ты приспособленец, Сашка, – Лиза оттолкнула брата и шагнула в сторону.

– Ой-ой-ой... вы только посмотрите на неё... Просто мисс непреклонность и высокомерие... Посмотрю я, что ты запоешь, когда отец силой тебя заставит.

– И как же это он заставит? – она обернулась и зло посмотрела на него.

– Он сказал, что выдерет тебя как сидорову козу, если не станешь её так звать.

– Даже если выдерет, не назову!!! – в глазах Лизы засверкали слезы. – У меня была только одна мать, и она останется единственной навсегда!

– Лиз, успокойся, – Сашка, шагнул к сестре, притянул к себе и обнял. – Что ты всё так драматизируешь?

– Сашка, ты её действительно мамой назвал, да? – сестренка всхлипнула и испытующе посмотрела ему в глаза.

– Лиз, отец влюбился. И спорить с ним сейчас, себе дороже... Ну что тебе стоит пойти ему на уступки? Ведь он всё равно заставит тебя, только перед этим ещё и унизит.

– Не заставит! Он все равно ничего не добьется! Я лучше убегу и сдохну, чем так назову её! – Лиза вырвалась из объятий брата и, выскочив за дверь, побежала по коридору.

На лестнице она столкнулась с поднимающимся отцом.

– И куда же это ты так спешишь, позволь полюбопытствовать? – спросил он, жестко хватая её за плечо.

– Не твоё дело! Докладывать тебе не собираюсь! И девку твою матерью звать не буду, так и знай! – на одном дыхании выпалила она и постаралась вывернуться.

Однако вывернуться из жесткого захвата отца ей не удалось.

– Это как это дело не моё? – зло выдохнул он, притягивая её ближе к себе. – Я твой отец, я тебя пою-кормлю, а ты мне заявляешь такое. Ты отчет отдаешь в собственных словах? Или у тебя помешательство на фоне бурного гормонального всплеска и переходного возраста? Так учти, я тебе быстро мозги вправлю. Сашке уже вправил и с тобой церемониться не стану!

– Это у тебя крышу снесло, если ты только притащив любовницу в дом, её женой и нашей матерью объявляешь. Мне маму никто не заменит, так и знай!

– А она тебе мать заменять и не должна, но обращаться к ней так и вести себя с ней так, как положено с матерью, я тебя заставлю! И ты будешь это делать как миленькая!

– Не буду! Хоть убей, не буду!!!

– А это мы сейчас посмотрим, – отец грубо схватил Лизу за шиворот и потащил вверх по лестнице.

Она тут же стала брыкаться, вырываться, повалилась на ступени, а в конце, вывернувшись, сильно укусила отца за руку.

– Ах ты, мерзавка какая! – он на мгновение отдернул руку.

Этого Лизе хватило, чтобы кубарем скатиться по лестнице и, вскочив, добежать по коридору до одной из гостевых комнат. Вбежав, она захлопнула и быстро заперла дверь.

Дверь дернулась, и из-за неё раздалось грозное отцовское:

– Лиза, открой сейчас же, или я выбью дверь!

– Выбивай! – крикнула она.

– Лизка, если не откроешь сию минуту, и мне придется дверь выбивать, я отправлю тебя в психушку на пару месяцев, чтобы тебя там в чувство привели, обещаю! – отец в ярости шарахнул кулаком по двери так, что она задрожала.

Лиза затравлено оглянулась, прикидывая, что можно предпринять. Метнулась к окну. Но на окне решетка. Из комнаты не убежать, а дверь долго не выдержит. Особенно если отец догадается инструмент какой-нибудь принести. Попробовала кровать к двери придвинуть. Но кровать даже с места не сдвинулась. Громадина дубовая. Лиза в ужасе прижала руки к вискам

и тут заметила тонкий декоративный шелковый шнур, удерживающий гардины у стены. Мысль пришла тут же. В любом случае она не позволит им так с собой обращаться. Она лучше умрет, чем даст себя унижить.

Она вскарабкалась на подоконник, перекинула шнур через блок крепления карниза. Сделала петлю и, накинув на шею, громко крикнула:

– Если ты выломаешь дверь, я повешусь!

– Лизка, кончай дурить! Открой дверь, и давай поговорим, – донеслось в ответ, но удары в дверь прекратились.

– Мне не о чем с тобой говорить! После того, что ты сказал мне, у меня больше нет отца! –

Лиза нервно переступила ногами на подоконнике, соображая, что же дальше делать.

– Что??!! Ах ты... – громыхнуло за дверью, но голос отца вдруг резко смолк.

Лиза прислушалась и услышала приглушенный разговор, однако слов разобрать было нельзя.

А потом в комнате неожиданно появилась та девушка, которую привел отец.

Лиза могла поклясться, что дверь не открывалась, однако девушка стояла перед ней и, чуть нахмурившись и вскинув вперед правую руку, властно потребовала:

– Петлю осторожно с шеи снимай и спускайся!

Лизу стало подташнивать, закружилась голова, а рука непроизвольно потянулась к шелковому шнуру на шее. Однако, сделав над собой усилие и нервно сглотнув, она помотала головой и зло выдохнула:

– И не подумаю!

Девушка отца удивленно чуть приподняла брови, и озадаченно хмыкнула. Потом губы её сложились толи в полуусмешку, толи в полуулыбку и, помолчав немного, она совсем другим тоном продолжила:

– Не спеши совершить необдуманный поступок. Если ты сделаешь такой шаг, то лишишь себя возможности, как ощутить в полной мере радость земного существования, так и совершенствовать свою душу. Одним шагом ты лишишься всего... Снимай петлю, спускайся, и в этом случае я обещаю: твой отец не тронет тебя.

– И мне не надо будет называть Вас матерью?

– Лично мне всё равно, как ты меня будешь называть. Однако говорить что-то от имени твоего отца я не могу. При этом если сейчас ты сама спустишься, я гарантирую, что силой он тебя ни к чему принуждать не будет. Так что спускайся.

– Ага... чтобы он меня в психушку запихнул, как пообещал? Ну уж нет!

– Никуда он тебя не запихнет. Слово даю. Он сторяча это сказал. Спускайся.

– Пообещайте мне из дома нашего уйти и больше никогда ни здесь не появляться, ни с отцом не встречаться, тогда я спущусь, – Лиза с нескрываемой злобой посмотрела на девушку.

– Именно этого я не могу пообещать. Но поверь, это не повод сделать тот шаг, что ты задумала.

– Повод! ещё какой повод! Вы отняли у меня отца и не хотите вернуть. Ну что ж будьте счастливы с ним, если сможете!

– Стой!!! Не двигайся! – грозно крикнула девушка, вновь вскидывая руку, но сделав над собой невероятное усилие, Лиза через тошноту и головокружение резко шагнула с подоконника.

Глава 4

Сумрак, серый беспросветный сумрак... Он давит так, что тяжело дышать и каждое движение даётся с трудом... Лиза оглянулась: «Где это она? Неужели за гранью жизни тоже жизнь?». И тут же испуганно сжалась.

Из сумрака на неё глядели две пары немигающих красных глаз.

Хотела убежать, метнулась вбок, но вместо этого лишь чуть сдвинулась в сторону. Сумрак поглощал, впитывал в себя движения, будто бы растворяя их. Лизе стало казаться, что она запуталась в паутине какого-то страшного сна. Только проснуться ей никак не удавалось.

Две чёрные тени с горящими злобой и алчным азартом глазами приблизились к ней.

Лиза хотела закричать, но с губ слетел лишь выдох. Сумрак и голос поглощал. Вернее только её голос, потому что приблизившиеся тени, обретя свои страшные и нечеловеческие очертания, достаточно громко лающе рассмеялись и четко произнесли: «Славная добыча». После чего набросились на неё и, схватив огромными когтистыми руками, опрокинули на землю.

Лиза зажмурилась, приготовившись к самому страшному. «Вот она истинная смерть души, наверное» – мелькнула мысль.

И в это время рядом раздалось жёсткое: «Стоять!»

Лиза приоткрыла глаза. Мерзкие чёрные существа с ужасными звериными оскаленными мордами, по которым текла голодная слюна, отстранившись, замерли и обернулись назад. Туда, откуда раздался голос. Потом поспешно отступили и, опустившись на колени, почтительно проговорили:

– Приветствуем Вас, госпожа Алекто. Да множатся в веках Ваша власть и могущество.

Лиза всмотрелась в сумрак. Чуть поодаль стояла девушка отца. Только сейчас это была уже не совсем та девушка, которая некоторое время назад уговаривала её снять петлю с шеи. Жёсткий злобный взгляд. На голове диадема из серебристого металла, в середине которой сапфировыми глазами сверкает череп. А вместо джинсов и шелковой блузки – длинное серебристо-серое платье с чёрной отделкой. Всё это до неузнаваемости преобразило ту, которую отец требовал назвать матерью.

– Что вы тут делаете? – обратилась она к склонившимся перед ней монстрам.

– Добыча, госпожа... пропащая душа... мы лишь то, что наше... не более... не гневайтесь... – проговорил один из монстров, волосатой рукой с большущими когтями указав на лежащую Лизу.

– В Сумраке всё моё, – свирепо выдохнула в ответ та, чуть приподняв в хищной улыбке губы так, что обнажился край крепких белоснежных зубов.

Монстры тут же испуганно вжались в землю:

– Мы не спорим с тем, госпожа... истинно так... Добыча Ваша, госпожа, коль она Вам по нраву...

– Тогда брысь!

Раздраженный взмах руки, и монстры тут же растворились в окружающем сумраке.

– Вставай!

Лиза увидела протянутую ей руку и, не раздумывая, схватилась. Дышать сразу стало легче, да и двигаться тоже.

– Где мы и кто эти монстры? – поднявшись, тихо спросила она, не смея взглянуть в лицо той, что протянула ей руку.

Короткий смешок и бесстрастное: «Не имеет значения».

– А что имеет? – не удержалась от вопроса Лиза.

– Только одно: хочешь ли ты вернуться или намерена остаться здесь, чтобы дожидаться очередных ловцов.

– Конечно, я хочу вернуться. Очень.

Лиза была напугана и мечтала о возвращении домой. Сейчас её не страшили ни возможные побои отца, ни перспектива называть чужую женщину матерью. Это все казалось несуще-

ственным пустяком по сравнению с пугающей возможностью остаться одной в этом ужасном месте.

– И ты готова пообещать, что покоришься отцу?

– Конечно, я что угодно пообещаю... я даже Вас согласна мамой называть, лишь помогите мне вернуться, – всхлипывая, проговорила она.

Её собеседница усмехнулась, повела рукой, и перед глазами Лизы вспыхнула яркая вспышка.

Когда сознание к Лизе вернулось, оказалось, что стоит она на подоконнике с шелковым шнуром на шее. Напротив неё, у двери – девушка отца в джинсах и шелковой блузке.

Не дожидаясь никаких её слов, Лиза поспешно сняла с шеи шелковый шнур. А затем, осторожно спустилась с подоконника, шагнула к ней. Вглядываясь в её глаза, она пыталась понять: все это ей привиделось или нет.

– Молодец, что послушалась, – тихо проговорила девушка, осторожно беря её за плечо.

Лиза облегченно вздохнула – привиделось. Значит, должна запретить отцу бить её. Обещала же, если она сама спустится.

Повернув рычажок замка, они вышли. Отец моментально шагнул к ним, глаза его метали молнии. Однако его избранница не дала ему приблизиться, предостерегающе вытянув вперед руку:

– Твоей дочери необходимо отдохнуть. Она перенесла сильный стресс.

– Да я ей ещё не такой стресс устраю... – в его голосе послышалась нескрываемая угроза.

– Влад, по-моему, ты хотел, чтобы у нас с ней были отношения, как у матери с дочерью, так? – нахмурившись, осведомилась девушка отца, по-прежнему не давая ему приблизиться к Лизе.

– Хотел и сейчас хочу, – тут же сбавил напор он, согласно кивая.

– Тогда за её поведение буду отвечать я, и спрашивать с неё и наказывать буду тоже я. А ты сейчас пообещаешь мне во всё это не лезть. Обещаешь?

– Хорошо. Раз ты сама хочешь за ней следить, то конечно... – отец повернулся к Лизе. – Ты слышала, что сказала мать... Я тебя лишь предупредить хочу: попытаешься ей перечить, окажешься в пансионе с самым строгим режимом или в психушке. Так и знай!

– Да, пап. Я всё поняла и не буду перечить, – Лиза судорожно сглотнула и подавленно добавила: – я согласна: и матью её называть, и слушаться.

Отец смерил её удивленным взглядом, а потом, облегченно вздохнув, тихо проговорил:

– Я рад, что разум у тебя всё же возобладал над гонором. Я уж и не надеялся.

Девушка проводила Лизу до её комнат, затем, замерев на пороге, тихо произнесла:

– Тебе сейчас отдохнуть надо. Так что ложись спать, – после чего вышла, плотно прикрыв за собой дверь.

Лиза тяжело вздохнула. И привидится же такое. Интересно только как эта так называемая мать в комнату запертую вошла. Замки отмыкать умеет, наверное... и ещё какими-то экстрасенсорными способностями обладает. Вон и отца околдовала, и ей, чёрт знает что, внушила... Ведьма прям какая-то.

Она раздраженно хмыкнула и села на маленький пуфик перед трюмо. Потом, намочив в тонике ватный тампон, стала протирать лицо. Повседневная процедура немного успокоила и утешила её, однако через какое-то время её взгляд невзначай задержался на собственном отражении и заставил пораженно замереть. Её шею охватывала отчетливо-заметная яркая полоса.

Лиза ощупала её, потом потеряла ваткой с тоником, но полоса не исчезла. Наоборот прикосновение к ней вызвало сильную боль.

– Господи! – Лиза в ужасе прижала руки к вискам. В голове заметались мысли: Неужели всё это правда? Но ведь тогда... тогда... Тогда получается, что отцовская пассия НАСТОЯЩАЯ ВЕДЬМА! Причем такая, которую боятся злобные адские существа.

Этот вывод поверг её в такой шок, что Лиза очень долгое время сидела не в силах даже пошевелиться.

Наконец она встала и решительно тряхнула волосами, проговорив вслух:

– Нет, этого не может быть! Наверное, я всего-навсего сильно затянула шнур, когда стояла...

Придя к такому выводу, Лиза направилась к двери, решив сходить на кухню, чтобы попросить у их домработницы Вали стакан тёплого молока.

Выйдя, она спустилась на первый этаж и, не дойдя до кухни, заинтересованно остановилась, прислушиваясь. Её внимание привлекли доносившиеся из-за приоткрытой двери гостиной звуки. Она подошла поближе и осторожно заглянула.

В пол-оборота к ней на диване полулежала избранница отца, а он, стоя перед ней на коленях, расстегивал её кофту, страстно шепча при этом:

– Ты чудо, моя хорошая. Я так люблю тебя... Ты свет всей моей жизни... ты сама моя жизнь... Как я раньше жил без тебя? Я не жил! Я умирал... прозябал... влачил жалкое существование... Как же я счастлив, что нашел тебя...

Расстегнув кофту, под которой не оказалось никакого нижнего белья, он принялся нежно целовать и ласкать ей грудь. Потом, чуть отстранившись, рывком сдернул с себя рубашку. По напряженным мышцам спины было заметно, что он находится в состоянии крайнего возбуждения.

– Ты сказочно хороша, моя прелесть! Я без ума от тебя, – выдохнул он, вновь прижимая её к себе. – Ты моё счастье!

Лиза не могла оторвать глаз от разворачивающейся на её глазах любовной сцены. Странно было видеть отца в таком состоянии, но ещё более странным было то, что избранница его не проявляла вовсе никаких эмоций. Чуть откиннутая на подушки голова, прикрытые глаза, расслабленно лежащие руки. Она лишь позволяла себя ласкать, даже не делая попыток обнять отца или прижаться к нему. Однако, было похоже, что того это абсолютно не огорчает. Он продолжал обнимать и ласкать сам.

Вскоре вслед за рубашкой на пол полетели и остальные предметы его туалета. А с той, которую сегодня назвал женой, он, расстегнув, чуть сдернул джинсы.

То, что он стал делать дальше было покруче любого порнографического фильма, которых Лиза тайком от отца видела немало. Но даже такие изысканные ласки не смогли пробудить в его пассивной ответной реакции. Она осталась холодна и неподвижна.

Лизе даже обидно стало, подумалось: «Бесчувственная селедка какая-то. И что он в ней нашёл?»

Она уже развернулась, чтобы покинуть свой наблюдательный пост у дверей, когда отец в порыве страсти громко выдохнул:

– Алечка, ты чудо!

«Алечка? – пронеслось у Лизы в голове. – Интересно, это уменьшительное от Алекто или как?».

Она вновь обернулась к дивану, и увиденное поразило её настолько, что по спине побежали мурашки.

Руки избранницы отца уже не лежали расслабленно, они вцепились в обивку дивана. При этом пальцы её неестественно расширились, удлинились, поблескивали серебристо-черной чешуей и заканчивались огромными заостренными сверкающими когтями.

Лиза испуганно зажмурилась, одновременно боясь и хоть звук проронить, и увидеть как этими когтями «госпожа Алекто», как её назвали монстры, вцепится в спину отца. Наконец она раскрыла глаза и с удивлением обнаружила, что так напугавшие её руки расслабленно покоятся на диване и ничем не отличаются от обычных ухоженных женских ручек с прекрасным маникюром.

«Или она и вправду ведьма или я схожу с ума» – подумала Лиза и, отойдя от двери, поспешила на кухню за молоком.

Следующий день для Лизы начался с неприятностей. В школе на первом же уроке учитель математики и по совместительству завуч лица – Ольга Степановна, решила проверить у всего класса домашнее задание. Узнав, что Лиза его не выполнила, она потребовала дневник и мало того, что вкатила ей двойку, так ещё замечание на полстраницы написала и велела, чтобы завтра под этим её шедевром в обязательном порядке стояла подпись отца.

Вечером Лиза подошла к отцу, который в гостиной на первом этаже смотрел футбол по телевизору. Дождавшись рекламной паузы, она протянула дневник:

– Я получила двойку, пап. И ещё замечание. Расписаться можешь?

– Иди покажи матери, пусть она подписывает. Она в кабинете, наверху.

Лиза испуганно потупилась и едва слышно спросила:

– А ты не можешь? Учительница сказала, чтобы ты подписал.

– Мы, по-моему, вчера договорились, – отец сурово нахмурился, – что за твоим поведением следит она. Или ты забыла? Так учти, посмеешь ей перечить, накажу раз в десять сильнее. И если узнаю, что к ней не подошла, тоже. Иди!

Спорить больше Лиза не посмела и, сжав в руках дневник, вышла. Поднявшись на третий этаж, она постучала и несмело замерла у дверей кабинета.

Услышав: «да, войдите», она зашла и плотно закрыла за собой дверь.

Её так называемая мать сидела, забравшись с ногами на небольшой диванчик, стоящий в углу, и листала журнал.

– Я получила двойку и ещё замечание, – Лиза шагнула к ней ближе и протянула дневник.

– И что? – девушка непонимающе посмотрела на неё.

– Папа хочет, чтобы Вы... то есть ты... расписалась.

– Ручку со стола подай, распишусь, – девушка вновь углубилась в изучение журнала.

Лиза, взяв ручку, вместе с ней вновь протянула ей дневник.

– Где?

Лиза указала. Расписавшись, новоявленная мать вернула ей дневник и стала вновь листать журнал.

– Я могу идти? – тихо спросила её Лиза.

– Конечно. Зачем ты мне здесь? Я не звала тебя, – непонимающе повела плечом та.

Лиза вышла и увидела стоящего напротив двери отца.

– Ты ей рассказала?

– Да.

– Ну и что она тебе сказала?

– Ничего. Дневник подписала и всё.

– Так... – отец мрачно хмыкнул и, шагнув ближе, схватил Лизу за плечо. – Я думаю, тебе стоит вернуться, и нам всем вместе обсудить твоё поведение.

Он рывком распахнул дверь и вновь подвел Лизу к своей избраннице.

– Аля, я что-то не понял. Она рассказала тебе о двойке?

– Да, – бесстрастно проронила та, не отрываясь от журнала.

- И ты не хочешь даже отругать её?
- А смысл? – она презрительно хмыкнула, переворачивая очередную страницу.
- Ты обещала взять на себя вопросы её воспитания.
- Взяла. Что дальше?
- Если взяла, почему не воспитываешь?
- Влад, я не понимаю, – его избранница, наконец, отложила журнал и, спустив ноги с дивана, в упор посмотрела на него. – Тебе нравятся скандалы? К чему ругать её за двойку? Ну не способна она, значит, к алгебре... И вообще, зачем ей эта алгебра?
- Как зачем? Ей в институт поступать!
- Прекрати... – она раздраженно поморщилась. – Ты и так её в институт устроишь, если хочешь, чтобы она там училась... хотя я по большому счету не понимаю: к чему он ей? Чтобы диплом на стенку повесить? Способностей у неё явно не наблюдается, иначе бы двойку не принесла... а чтобы домохозяйкой быть алгебра не особо и нужна... Так что расслабься и отпусти ребёнка. Или тебе поскандалить хочется? Команда любимая проиграла? Нет?
- Я домашнее задание не выполнила, а не контрольную не решила... Там написано было всё... – тихо проговорила Лиза. Слова о том, что она неспособная, её сильно задели.
- Вот видишь. Она пробездельничала, а ты ей это спускаешь! – тут же добавил отец.
- Влад, я не вижу в том проблемы. Хочет заниматься, будет, а не хочет, пусть не занимается, в жены и необразованных берут. Главное чтобы вела себя достойно и чему дурному не научилась... А образование – дело десятое. И всё, давай закружиться с этим разговором. Меня он напрягает.
- Извини... конечно ты права, Алечка... – отец, шагнув к ней ближе, взял её руку и нежно поцеловал. – Действительно. К чему нам скандалы? Ты умница, моя радость...
- У тебя уже закончился твой футбол, что ты стал мне петь такие дифирамбы?
- Нет, сейчас перерыв...
- Тогда иди смотри. Доскажешь всё, что обо мне думаешь, после матча, – усмехнулась та и снова уткнулась в журнал.

Лиза, спустившись вместе с отцом вниз, в нерешительности постояла немного, а потом пошла в мастерскую брата.

Сашка стоял за мольбертом и увлеченно рисовал.

Лиза подошла ближе. Девушка на картине брата выглядела как живая.

- Сашка у тебя так здорово получается... Ты знаешь, что твоя девица ожила?
- Знаю, – не оборачиваясь, буркнул он. – Отстань.
- Ты сердисься на меня за то, что тебя обозвала приспособленцем, а потом сама согласилась её матерью звать?
- Нет. Ты правильно поступила, что согласилась, – Сашка, наконец, оторвался от мольберта и повернулся к ней.
- Саш, а ты знаешь, что она ведьма?
- Все женщины ведьмы, – усмехнулся в ответ брат. – И ты тоже из их числа...
- Нет, Саш. Она настоящая ведьма. Самая что ни на есть... я думаю, она даже оборачиваться может... и руки у неё с когтями, сама видела.
- Хорошо, Лиз. Пусть она настоящая и может оборачиваться. Что это меняет? Это ведь даже прикольно: мачеха – ведьма... Ты не находишь? Или ты боишься, что она тебя съест?
- Нет, то что съест – не боюсь... но и прикольным мне это не кажется... хотя что это меняет, я тоже не знаю... Одним словом, я просто хотела, чтобы ты знал.
- Теперь знаю. Спасибо. Я надеюсь, это не мешает тебе её матерью и дальше называть?
- Нет, я знала это, когда соглашалась.
- Замечательно, – Сашка удовлетворенно кивнул и вновь повернулся к картине.

– Саш, а тебе она нравится? – Лиза никак не могла смириться с тем, что брат так спокойно прореагировал на её заявление о внутренней сущности их теперь матери.

– Честно?

– Конечно.

– Ну, она и правда прикольная... – Сашка, вновь оторвавшись от мольберта, повернулся к ней, – мы с ней все утро о технике портрета проговорили, она много знает...

– Она сама к тебе пришла сюда?

– Нет, я позвал... Я ночью переделал картину и хотел ей показать. Ей понравилось... ну а потом мы трепались: о разных техниках, о манере письма... она мне некоторые приемы показала... Одним словом: интересно с ней.

– Так она художник?

– Нет, она сказала, что не пишет... но она классно разбирается в живописи. Кстати, ты знаешь, это замечательная идея: я её в виде ведьмы и нарисую... такой... полной магии и таинственности... Незнакомку закончу и обязательно нарисую.

– Саш, ты что??? – у Лизы даже глаза округлились от страха. – А если ей это не понравится? Она ж тебя может... может... – она не могла даже слов подобрать, чтобы высказать брату всю грозящую ему опасность.

– Лиз, да ладно тебе... Ты бы поменьше эти свои сериалы про оборотней смотрела... Глядишь, и мать наша перестала бы ведьмой казаться.

– Так ты, что: не поверил мне? – Лиза даже поперхнулась от возмущения, руки у неё непроизвольно сжались в кулаки.

– Ну что ты, что ты... я верю... – Сашка заулыбался и даже приподнял руки в знак полной капитуляции. – Я и сам в ночи метелку у порога разглядел... не иначе она именно на ней в наш дом и прилетела.

– Сашка, ты – дурак!!! Я – серьезно, а ты хохмишь!

– И о чём это ты серьезно? – дверь в мастерскую отворилась. На пороге стояла избранница отца.

– Я... я... да в общем так... ни о чём... – Лиза испуганно потупилась.

– Тогда извинись перед братом. И чтобы я больше не слышала в твоих устах такие уничижительные определения адресованные кому-либо, – мачеха сурово нахмурилась.

– Да... хорошо. Я постараюсь таких слов больше не произносить, – нервно теребя перед собой руки, Лиза повернулась к брату. – Извини. Я больше не буду.

Тот усмехнулся:

– Да не за что, Лиз. Проехали.

– Почему не за что, Александр? Ты считаешь себя дураком? – мачеха шагнула к нему и удивленно приподняла бровь.

– Нет, мам, конечно... – Сашка с улыбкой посмотрел на неё, – я просто привык, что Лиза не сдержана на язык и подобные определения у неё через слово.

– Елизавета, – мачеха вновь перевела взгляд на Лизу, и её губы презрительно дрогнули, – у меня к тебе очень большая просьба. Прежде чем сказать любую фразу, мысленно досчитай хотя бы до трех. Тебе станет легче контролировать то, что ты говоришь. Потому что если ты не будешь контролировать собственные слова и поступки, мне придется тебя наказывать. Мне бы этого делать не хотелось.

– Я учту, – кивнула Лиза и тихо выскользнула за дверь.

На следующий день учительница математики, сразу после урока, окликнула Лизу.

– Крылова, задержись!

Лиза притормозилась у двери и нехотя повернула назад.

– Да, Ольга Степановна.

– Покажи дневник! Отец подписал его?

Лиза расстегнула сумку с учебниками и, достав дневник, молча протянула его учительнице.

– Чья это подпись?

Ольга Степановна недобрым взглядом воззрилась на неё.

– Матери, – криво усмехнулась Лиза.

– Твоя мать, Крылова, насколько я знаю, давно умерла. Так что не придумывай.

– У меня теперь новая мать, – Лиза презрительно поджала губы и протянула руку, намереваясь забрать дневник. – Вы удовлетворены? Я могу идти?

– Ах, новая... как интересно, – учительница недоверчиво фыркнула. – И как? Твоя новая мать объяснила тебе, что домашнюю работу необходимо выполнять?

– Объяснила.

– Тогда покажи мне выполненное домашнее задание.

– Вот, – Лиза достала и протянула тетрадку.

– Это сегодняшнее, – перелистав страницы, Ольга Степановна стала недовольно постукивать пальцем по столу. – Вчерашнее где?

– Так Вы мне за него уже двойку поставили. Зачем мне его делать? Вы же всё равно оценки не исправляете, – недоуменно проговорила Лиза, забирая тетрадку.

– Ты понимаешь, Крылова, что двойка ставится исключительно для того, чтобы человек переосмыслил своё поведение и срочно постарался его исправить. С твоей стороны я такого стремления не наблюдаю. И не вижу, чтобы твоя новоявленная мать, о которой ты мне рассказала, способствовала этому. Исходя из этого, мне видимо придется нанести визит к вам домой, и поговорить и с твоим отцом, и с тем, кто подписал твой дневник.

– Ой, Ольга Степановна, не надо... и вообще к нам далеко ехать, – Лиза испуганно попятилась к двери. Сделала она это явно зря. Так как учительница, несомненно, трактовала её нежелание как боязнь огласки, и это её лишь раззадорило.

– Я обязательно навещу вас сегодня, Крылова.

Поняв, что спорить бесполезно, Лиза пожалала плечами: – Как хотите, Ольга Степановна, – и выскользнула за дверь.

Когда шофер привез Лизу домой, она тут же отправилась разыскивать мачеху и нашла её в мастерской брата. Подобрав под себя ноги, та сидела на небольшом диване и, облокотившись на журнальный столик, с лучезарной улыбкой наблюдала за тем как рисует Сашка. Её глаза блестели ласковым светом. А брат увлеченно творил, советуясь с ней и рассуждая:

– Как ты думаешь, может здесь чуть больше оттенить и переход чуть поярче сделать? Или оставить так, а фон приглушить?

– По левому краю чуть потемней колер, и можешь оставить всё как есть...

– Да, точно... ты уловила... я так и сделаю. Мне так нравится, когда ты рядом, у меня даже краски по-другому ложатся.

Атмосфера в мастерской излучала свет и ласковое тепло.

Лиза постояла немножко в дверях, а потом, тихо постучав о косяк, спросила:

– Можно?

– Можно, – откликнулась мачеха, спуская с дивана ноги. Как только она увидела Лизу, её ласковая улыбка погасла, а глаза из лазорево-голубых стали зеленоватыми и заледенели. – Ты что-то хотела?

Физически почувствовав, как моментально изменилась атмосфера в мастерской, и испуганно сжавшись, Лиза кивнула:

– Да, я хотела предупредить. Сегодня моя учительница математики изъявила желание сюда заехать.

– Что ей надо?

– Она не поверила, что подпись в дневнике не поддельная, – Лиза тяжело вздохнула, – и ещё она была недовольна, что домашнее задание, за которое она мне двойку поставила, я так и не сделала.

– Это все её претензии?

– Насколько я поняла, да.

– Тяжелый случай, – мрачно резюмировала мачеха.

– Со мной? – недоуменно уточнила Лиза.

– Нет, с твоей учительницей. Можешь не волноваться, я поговорю с ней, – холодно проговорила она и, стремительно поднявшись, вышла.

– Лизка, как ты не вовремя... вечно ты всё испортишь... – брат раздраженно поморщился. – Ну потом что ли сказать ей не могла?

– Саш, извини. Я же не знала, что она уйдет из-за этого. И потом вдруг математичка прямо сейчас заявится... Она ж у нас придурочная. От неё всё что угодно можно ждать.

– Она не придурочная. Она требовательная и строгая, Лиз. Кстати свой предмет она знает классно и объяснять хорошо умеет. Я до сих пор её уроки с удовольствием вспоминаю.

– Ну конечно, ты же у неё в любимчиках ходил, потому что стенгазеты рисовал. А меня она терпеть не может. Вот сейчас даже собралась сюда припереться в надежде, что меня после этого накажут.

– Ну тогда её ждет разочарование, как я понял мать нормально на известие о её визите отреагировала. Она у нас вообще классная, – подмигнул ей Сашка.

– Кто? – Лиза непонимающе воззрилась на брата.

– Мать наша теперь, – усмехнулся он. – Я, кстати, не представляю, где мог с ней познакомиться отец, она явно не из его тусовки... Но мне, нравится его выбор.

– Я уже заметила, – саркастически хмыкнула Лиза. – А ты чего её, кстати, не спросил об этом, раз вы с ней так поладили?

– Её сложно о чём-то спрашивать, Лиз. Она говорит лишь то, что сама захочет.

– Ты мне так и не поверил, что она ведьма?

– Ну хватит, Лиз, – Сашка недовольно скривился. – То у тебя математичка придурочная, то избранница отца на помеле летает. Иди лучше, а то работать мешаешь, – он отвернулся к мольберту.

– Ну и не верь, – обиженно насупилась Лиза и вышла из мастерской.

После обеда, охрана на входе доложила, что приехала учительница математики. Мачеха распорядилась провести её в гостиную, где отдыхала.

Лиза, услышав доклад охраны, тоже спустилась в гостиную. Увидев её, мачеха, сидевшая в кресле, иронично усмехнулась:

– Любопытство мучает?

– Мне уйти? – Лиза замерла в нерешительности посреди комнаты.

– Отчего же? Можешь остаться, если хочешь, – качнула головой та.

В это время охранник распахнул широкие двустворчатые двери и, пропустив вперед учительницу, спросил:

– Я могу быть свободен?

Мачеха едва заметно кивнула и, дождавшись, чтобы охранник закрыл за собой двери, мрачным взглядом окинула гостью.

– Добрый день, – поздоровалась та и на Лизино «здравствуйте», ещё раз повторила: – Добрый день, Лиза.

Мачеха тем временем, не отвечая на приветствие и даже не поднявшись, сухо осведомилась:

– Итак, чем вызван Ваш столь неожиданный визит?

– Меня зовут Ольга Степановна Козлова. Я учительница Лизы и завуч лицея, в котором она учится.

– Я это уже слышала. Мне охрана доложила. Или Вы считаете, что данная информация даёт Вам право без приглашения появляться везде, где Вам заблагорассудится? – губы мачехи дрогнули, сложившись в ироничную усмешку.

– Мне необходимо с Вами переговорить! – с напором произнесла Ольга Степановна.

– Что же, раз необходимо, говорите, – холодно проронила мачеха.

Лиза заинтриговано замерла, поняв, что сейчас может стать свидетельницей интересного противостояния. Ольга Степановна умела осаживать кого угодно.

– Может, для начала, Вы представитесь, как полагается любому культурному человеку? – иронично осведомилась она.

– Культурные люди, по меньшей мере, узнают имена тех, к кому решили незвано заявиться в гости, – ответила ей мачеха и, вновь усмехнувшись, продолжила: – Поэтому называть своё имя человеку, явившемуся ко мне, считаю равносильным обвинению в полном отсутствии культуры. Вы из таких, и мне необходимо представиться?

– Я приехала поговорить с отцом Лизы, но Владислава Сергеевича, насколько я поняла, дома нет. Вас я вижу первый раз и не имею ни малейшего представления, кто Вы и кем приходите к Лизе. Поэтому я бы хотела, чтобы Вы представились, чтобы я могла понять могу я обсудить с Вами вопросы, касающиеся обучения Лизы в нашем лицее, или мне необходимо вызывать в лицей Владислава Сергеевича.

– Я сожалею, что Вы не умеете пользоваться мобильным телефоном и не узнали у отца Елизаветы, когда у него будет возможность обсудить с Вами вопросы, связанные с его дочерью. Но раз уж так случилось, и Вы уже потревожили нас своим визитом, я просвещу Вас относительно моего статуса в этом доме. Я приняла на себя обязанности мачехи Елизаветы, и если Вам так не терпится обсудить с кем-то вопросы её обучения, можете это сделать со мной.

– Может, Вы тогда ещё своё имя-отчество назовете и сесть мне, наконец, предложите?

– Сесть можете, – небрежным жестом руки мачеха указала Ольге Степановне на кресло напротив, – а знать моё имя-отчество Вам ни к чему. Я и обезличенное обращение хорошо воспринимаю.

– В среде воспитанных людей принято обращаться по имени-отчеству к собеседнику, – раздраженно проговорила учительница, усаживаясь в кресло.

– Вы пришли проверять, к какой среде отношусь я или обсуждать вопросы, связанные с поведением Елизаветы? Если первое, то наш диалог имеет смысл прервать, потому что Ваше мнение на мой счет меня абсолютно не интересует и потакать Вашему любопытству я не намерена. А если второе, то я Вас внимательно слушаю. Но только коротко и по существу. У меня не так много времени.

– Если Вам настолько безразлична Ваша новоиспеченная падчерица, что у Вас нет времени, чтобы обсудить её поведение, то я могу и уйти, – сердито поджала губы учительница.

– У меня нет времени впустую молоть языком и переливать из пустого в порожнее, чем Вы сейчас занимаетесь. Есть что сказать по существу, говорите. Нет, будьте любезны покинуть наш дом и больше не тревожить визитами, – тон мачехи совсем заледенел, а губы раздражённо подрагивали. Чувствовалось, что она с трудом сдерживается.

– Ваша падчерица не выполняет домашние задания.

– Я в курсе. Что-то ещё?

– Она невнимательна на уроках, а между прочим уже конец четверти и скоро начнутся контрольные работы. Вы понимаете, что её столь безответственное поведение недопустимо,

если Вы хотите, чтобы она получила глубокие и основательные знания? Сейчас у неё закладывается базовый уровень, без которого она не сможет дальше изучать любые связанные с математикой науки.

– Теперь понимаю, – холодно усмехнулась мачеха. – Это всё?

– И что Вы намерены предпринять в связи с этим?

– Ничего, – глядя ей прямо в глаза, отрезала та.

– Вы отдаете отчет в собственных словах? – Ольга Степановна даже привстала в кресле от возмущения.

– Полностью, – мачеха не сводила с неё пристального взгляда.

– Вам наплевать на будущность Вашего теперь ребёнка? Я, конечно, понимаю, что она Вам неродная. Но настолько откровенно демонстрировать подобное отношение это выходит за всякие рамки! – задыхнулась в праведном гневе учительница.

– Какие рамки и кем установленные? – в глазах мачехи сверкнул гнев. – Кто вообще дал Вам право оценивать моё поведение и отношение к членам моего семейства? Тем более комментировать их столь уничижительными определениями? – она вытянула вперед правую руку и резко поднялась с кресла. – Считаете себя годной на роль судьи? Так я могу быстро положить этому конец! А ну встать! – рявкнула она в конце.

Учительница, явно опешив, поднялась.

– Пошли! – скомандовала мачеха и вместе с не проронившей ни звука Ольгой Степановой вышла и скрылась в своих комнатах.

Через некоторое время Ольга Степановна вышла из комнат мачехи и сразу уехала. Недоумевающая Лиза вновь спустилась в мастерскую брата.

– Сашка, знаешь, математичка умотала, даже не попрощавшись.

– Тебя это расстроило? – удивленно отозвался он, поворачиваясь к ней.

– Нет. Просто я понять не могу, что она в комнатах мачехи делала.

– Лизка, вот услышит отец, что ты не только норовишь обращаться к ней опосредованно, но ещё мачехой за глаза зовешь, будет скандал.

– Саш, я стараюсь, но у меня язык прям не поворачивается её матерью называть... она... она совсем на роль матери не подходит... она такая... такая холодная и неприступная... Она знаешь, как математичку сейчас построила? А потом ещё к себе в комнаты увела. Как ты думаешь, зачем?

– А я почему знаю? Поговорить, наверное. А тебе-то что с того? Увела и увела. Главное, чтобы Ольга Степановна потом к тебе не цеплялась.

– Ой, Сашка, она была такая напуганная, что вряд ли цепляться ещё будет... – Лиза, припомнив бледную физиономию покидающей их дом учительницы, иронично хмыкнула.

– Вот и радуйся. А мать все-таки лучше так и называй, а то на скандал, как пить дать, нарвешься.

– Говорю же: стараюсь я, – Лиза поморщилась.

– Ты лучше, лучше старайся, – брат строго посмотрел на неё. – Вон за весь разговор со мной ни разу её матерью не назвала.

– Наша мама была очень надменно-сурова с моей учительницей. Я, честно говоря, не ожидала, что она так её строить будет. Удовлетворен? – Лиза состроила ему рожицу и показала язык.

– Вот-вот, продолжай в том же духе, и язык побольше ещё высунь, глядишь, он поворачиваться научится быстрее, когда надо будет её матерью в глаза назвать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.